

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Конституционное и административное право»

(наименование)

40.04.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки/специальности)

Правовое обеспечение государственного управления и местного самоуправления

(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему «Конституционно-правовое регулирование ограничений прав
военнослужащих в Российской Федерации»

Обучающийся

А.Ф. Абдуллина

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Научный руководитель

к.ю.н. Н.А. Блохина

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2023

Оглавление

Введение	3
Глава 1 Научно-теоретическое обоснование ограничений прав и свобод человека	8
1.1 Понятие и сущность ограничений конституционных прав и свобод человека	8
1.2 Концептуальные основы, виды и пределы ограничений прав и свобод граждан в российском законодательстве	17
Глава 2 Конституционно-правовой статус военнослужащих и ограничения их прав и свобод	34
2.1 Понятие конституционно-правового статуса военнослужащих в отечественном законодательстве.....	34
2.2 Ограничения, накладываемые на военнослужащих в Российской Федерации.....	42
2.3 Актуальные вопросы содержания некоторых ограничений прав и свобод военнослужащих в Российской Федерации.....	49
Глава 3 Пределы ограничения прав военнослужащих Российской Федерации: практические аспекты	56
3.1 Проблемы ограничения прав военнослужащих Российской Федерации.....	56
3.2 Пути совершенствования выявленных проблем.....	63
Заключение	68
Список используемой литературы и используемых источников	75

Введение

Актуальность и научная значимость темы исследования. Вооруженные силы на протяжении многих столетий продолжают играть ключевую роль в защите государств и их населения, создавая условия безопасности, позволяющие каждому человеку пользоваться неотъемлемыми правами и основными свободами. Как представители государственной структуры, военнослужащие обязаны уважать права человека и международное гуманитарное право при исполнении своих обязанностей. Но только тогда, когда их права и свободы будут гарантированы в их собственных странах, военнослужащие смогут защищать права и свободы других лиц.

При этом не вызывает сомнений, что военная служба – это деятельность особого характера, специфического назначения. В рамках военной службы решаются столь значимые для судьбы страны задачи, как «защита государственного суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации, обеспечение безопасности государства, отражение вооруженных нападений, выполнение международных обязательств Российской Федерации» [76]. Тем самым, предполагается предъявление повышенных требований к общим, должностным и специальным обязанностям лиц, несущих военную службу, – военнослужащих. Существо выполняемых военнослужащими задач оказывает большое влияние на их особый правовой статус.

Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» начинается с констатации того, что «статус военнослужащих – это совокупность прав, свобод, гарантированных государством, а также обязанностей и ответственности военнослужащих, установленных этим федеральным законом и иными нормативными правовыми актами РФ». Притом, что в диспозиции ч. 2 этой же статьи прямо предусмотрено, что правовой статус военнослужащих рассматривается как специальный, поскольку допускает возможность наложения на них дополнительных ограничений, наряду с предоставлением им же дополнительных гарантий и компенсаций [111].

Ограничения прав и свобод военнослужащих – это один из случаев, описанных в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации [44]. При возведении прав и свобод человека и гражданина в приоритет, Основной Закон страны закрепляет, что эти права и свободы могут быть ограничены, но исключительно федеральным законом и исключительно в той мере, в какой это необходимо в целях защиты публичных интересов.

У специалистов в области права сложилось понимание того, что права и свободы человека и гражданина имеют безусловную особенность в отношении прав и свобод военнослужащих. По словам Е.А. Назаровой, правовое положение военнослужащих отличается от правового положения других лиц, не имеющих особого (специального) статуса, по многим параметрам; в частности, объективно применение к военнослужащим целого ряда ограничений, вытекающих из особой природы военной службы [59].

Наряду с этим, сложно оспорить тезис о том, что ограничения, вызванные специальным правовым статусом военнослужащих, не могут быть произвольными, несоразмерными, и, в целом, незаконными. Однако, как следует из правоприменительной практики, несмотря на гарантированные государством различные компенсации специального правового статуса военнослужащих, их права и законные интересы нередко нарушаются. Причины складывающейся ситуации кроются и в несовершенстве действующего законодательства, и в его неверном толковании и применении, и в недостаточном финансировании Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», вследствие чего на местах принимаются многочисленные решения, которыми ущемляются права и свободы военнослужащих. Зачастую объектом ограничений становятся дополнительные права и гарантии, предоставляемые защитникам Отечества. Добиваться восстановления справедливости приходится в судебном порядке, но не у всех военнослужащих есть желание и ресурсы на прохождение такого пути.

Вопрос ограничения прав военнослужащих в Российской Федерации периодически подвергается изучению Конституционным Судом Российской

Федерации и Верховным Судом Российской Федерации. Несмотря на то что, судебный прецедент не является в нашей стране источником права, выработанные высшими судебными инстанциями правовые позиции по рассматриваемой проблематике позволяют «закрывать» некоторые законодательные пробелы. Между тем, такая ситуация видится опасной. Правовой статус военнослужащих нуждается в строгой и тщательной правовой регламентации, а ограничения их прав и свобод должны базироваться на прочной правовой основе, не искажающей существо ограничиваемых прав и свобод.

Определенный вклад в разрешение заявленной проблемы может внести наука. На сегодняшний день сформирована отдельная отрасль права – военное право, в рамках которого подробно изучается правовой статус военнослужащих. Признавая высокую значимость выводов и предложений разных специалистов в части пояснения прав, обязанностей и ответственности военнослужащих, нельзя не отметить, что вопрос ограничений их прав на комплексной основе рассматривается редко. При подготовке к написанию настоящей работы удалось ознакомиться только с одной диссертацией, прямо посвященной конституционно-правовому регулированию ограничений прав военнослужащих в РФ. Она была защищена П.В. Соколовой в 2013 г. В других трудах ограничения прав военнослужащих преимущественно раскрываются только в соответствующих разделах об их правовом статусе.

С учетом постоянного изменения Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», включая его положения, которые определяют ограничения прав и свобод военнослужащих, представляется, что выбранная автором тема носит актуальный характер, как в теоретическом, так и в практическом смысле.

Объект настоящего исследования образуют «комплекс общественных отношений, возникающих и осуществляемых в процессе введения и применения ограничений прав военнослужащих в Российской Федерации». Тогда как предмет настоящего исследования представлен «совокупностью нормативно-

правовых положений, устанавливающих ограничения прав военнослужащих в Российской Федерации, и практика их применения».

Цель магистерской диссертации заключается в выявлении правовой природы, содержания, закономерностей регулирования ограничений прав как составного элемента правового статуса военнослужащих.

Чтобы достичь названной цели, были последовательно решены следующие исследовательские задачи: раскрыто понятие и сущность ограничений конституционных прав и свобод человека; сформировано научное комплексное представление о таких категориях российского законодательства, как основы, виды и пределы ограничений прав и свобод граждан; установлены основные элементы, образующие конституционно-правовой статус военнослужащих, в соответствии с требованиями действующего российского законодательства; определен перечень основных ограничений, накладываемых на военнослужащих в Российской Федерации; обозначены актуальные проблемные места в содержании некоторых ограничений прав и свобод военнослужащих в Российской Федерации; проведен анализ ключевых проблем ограничения прав военнослужащих Российской Федерации; предложены возможные пути совершенствования выявленных в рассмотренной сфере проблем.

Теоретическая основа исследования напрямую зависит от избранных объекта и предмета исследования – общественных отношений, возникающих и осуществляемых в процессе введения и применения ограничений прав военнослужащих в Российской Федерации, являющихся многогранными. Учитывая это, для проведения исследования потребовалось обращение к трудам ученых по конституционному, административному, военному праву и других отраслевых наук. Высокую значимость для автора представляли выводы: Н.В. Антипьевой, Е.Г. Воробьева, Г.А. Гаджиева, Е.А. Глухова, А.В. Давыдова, Р.М. Дзидзоева, Р.А. Жабровский, В.М. Жуйкова, Н.С. Кириченко, В.М. Корякина, А.В. Кудашкина, О.Е. Кутафина, А.С. Набиева, А.Я. Неверова, А.Ф. Пьянковой, В.Ю. Сергеева, А.А. Уварова, Ю.Г. Федотовой, С.С. Харитонова и др.

Нормативно-правовая основа исследования представлена положениями Конституции Российской Федерации, Гражданского и Жилищного кодексов Российской Федерации, Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» и иных нормативно-правовых актов, определяющих особенности правового статуса военнослужащих, включая ограничения их прав и свобод.

Методологическая основа исследования охватывает наиболее перспективные научные подходы. Большое значение в подготовке настоящей работы, получении в процессе ее написания достоверных выводов имели: историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический, аналитический методы, метод экспертных оценок. Также были применены такие общенаучные методы, как: индукция и дедукция, группировки, классификации, статистический и графический анализ, научная абстракция.

Теоретическая значимость исследования заключается в пополнении науки авторскими определениями таких понятий, как «ограничение прав и свобод» и «правовой статус военнослужащего». Кроме того, комплексный характер проведенного исследования позволил представить общую картину, складывающуюся в сфере обеспечения прав военнослужащих, которая может представлять интерес для последующих научных изысканий по теме «Конституционно-правовое регулирование ограничений прав военнослужащих в Российской Федерации».

Практическая значимость исследования обуславливается возможностью применения рекомендаций, данных автором, в процессе совершенствования законодательства РФ.

Структура магистерской диссертации включает введение, три главы, заключение, список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Научно-теоретическое обоснование ограничений прав и свобод человека

1.1 Понятие и сущность ограничений конституционных прав и свобод человека

Для того чтобы в полном объеме раскрыть понятие и сущности ограничения прав и свобод человека, в том числе в научных целях, необходимо изучить трактовки данной категории, предложенные другими учеными. Поиск по запросу «понятие ограничение прав и свобод человека» на таких информационных ресурсах, как научная электронная библиотека «eLIBRARY.RU», СПС «КонсультантПлюс», система «Гарант» и др., позволяет получить не десятки, а тысячи результатов. И с одной стороны, может показаться, что этот вопрос является в высокой степени разработанным. С другой – нельзя не увидеть, что какого-либо единства во мнениях ни среди теоретиков, ни среди практиков не наблюдается. Каждый специалист вкладывает свое понимание в эту, во многом, философскую категорию. Не всегда можно установить ее взаимосвязь с ключевыми конституционными предписаниями, что существенно сужает суть исследуемого в настоящей работе термина. В качестве примера можно привести определение ограничения права, предложенное В.И. Гойманом. По его словам, ограничение права представляет собой «осуществляемое в соответствии с предусмотренными законом основаниями и в установленном законом порядке сокращение его объема». Определенные вопросы вызывает и дефиниция правового ограничения, которая сформулирована А.С. Мордовец. В соответствии с ней «посредством ограничений индивиды одновременно побуждаются к социально полезному поведению и сдерживаются от социально вредного поведения» [57, с. 17].

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, начинается с заявления о том, что в ней нашли отражение положения Конституции Российской Федерации [44] (далее – Конституция РФ) «фундаментальные

ценности и принципы, создающие основы российского общества, безопасности страны, дальнейшего развития России в качестве правового социального государства, где высшим значением обладают соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина» [97].

На этом основании профессор С.В. Кабышев приходит к выводу, согласно которому в системе общественно-государственной жизни Конституции РФ отводится роль ключевого инструмента национальной консолидации, который обеспечивает социальную интеграцию на основе целей, ценностей, принципов, институтов, позволяющих гармонизировано выражать интересы личности, общества и государства (то есть в своем единстве общенациональные интересы) в их исторической перспективе и социокультурном контексте. Предназначение конституционного права заключается в раскрытии на авторитетном доктринальном уровне социального потенциала Конституции РФ и обеспечении его реализации в законодательстве, правоприменении, юридической науке и образовании [37, с. 4]. Схожие заключения можно встретить в работе профессора В.М. Жуйкова. По его словам, исключительно значимые положения Конституции РФ, которые должны реально действовать, содержатся в ее гл. 1. Все статьи названного раздела, образующие основы конституционного строя Российской Федерации, обладают бóльшей юридической силой, нежели последующие части Конституции РФ (в соответствии со ст. 16, никакие другие положения Конституции РФ не могут противоречить гл. 1). В целом, следует констатировать, что гл. 1 в совокупности с гл. 2 («Права и свободы человека и гражданина») Конституции РФ, устанавливающей основы правового статуса личности в Российской Федерации (ст. 64), во многом соответствуют стандартам правового демократического государства и создают полноценную юридическую основу защиты прав и свобод человека и гражданина.

Указанные разделы Основного Закона страны не подлежат изменению ни Президентом, ни Федеральным Собранием. Их корректировка возможна исключительно путем всенародного голосования, которое с 1993 г. еще ни разу не проходило. Не следует путать эту форму волеизъявления с общероссийским

голосованием, проходившим в 2020 г. По его результатам текстуальным изменениям подверглись положения глав с 3 по 8 Конституции РФ, между тем, определенной модернизации подверглись и существующие основы конституционного строя и конституционного статуса личности. Как замечает Н.С. Певцова, внесение поправок в Конституцию РФ, инициированных Президентом в начале 2020 г., сопровождалось повышенным вниманием общественности именно к конституционному статусу личности – сердцевине большинства конституционных правоположений [71, с. 33]. Так, с позитивом было встречено появление новой статьи 75.1 Конституции РФ, говорящей о взаимном доверии государства и общества. При этом в неизменном виде осталось положение о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью в Российской Федерации, потому признание, соблюдение и защита его прав и свобод относится к основной обязанности государства.

Согласно признанию академика О.Е. Кутафина, в правовом государстве, которым считает себя Российская Федерация, государство в лице своих органов, учреждений и должностных лиц взаимодействует с гражданами, служа при этом всему обществу, а не его каким-либо частям; государство ответственно перед человеком и гражданином [52, с. 154].

Конституция Российской Федерации провозглашает, что «в Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина» (ч. 2 ст. 55). Также в ней устанавливается, что «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только федеральным законом и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Причем, если давать совокупное толкование ч. 3 ст. 55 и ч. 3 ст. 56 Конституции РФ, то можно увидеть, что целый перечень прав и свобод ограничиваться не может ни при какой ситуации.

Конституция РФ соответствует многим международным актам, в том числе основополагающим конвенциям о правах человека (см. рисунок 1), в

которых в ранг основного принципа возведено признание человека высшей ценностью, реализуемого через идею автономии и универсальности его прав и свобод [127, с. 46].

Рисунок 1 – Условия ограничения прав и свобод человека [составлен автором с использованием 15; 55]

Процитированные выше акты универсального характера позволяют заключить, что цель введения каких-либо ограничений становится основным критерием для принятия соответствующих решений, равно как и мерой обеспечения баланса интересов государства, общества и отдельной личности. К примеру, профессор В.А. Лебедев подчеркивает, что ограничения прав и свобод должны рассматриваться в первую очередь как исключения из правил, а не как правило само по себе. Государственные законодатель и правоприменитель обязаны гарантировать права и свободы личности, а никак не ущемлять ее [53, с. 133]. Учитывая это, Т.В. Приходько акцентирует внимание на том, что отнесение конкретных ограничений (фактов вмешательства публичной власти в частную жизнь) к категории допустимых и правомерных всегда будет исключительным, поскольку, учитывая современное толкование института «ограничений прав и свобод», в качестве недопустимого и неправомерного будут и должны квалифицироваться все остальные случаи, когда публичная власть вторгается в права и свободы частных лиц. «Озвученное понимание всецело соответствует

концепции презумпции противоправности ограничения прав и свобод человека, в рамках которой действует повышенная степень ответственности государства перед естественными носителями этих прав и свобод», – резюмирует специалист [87, с. 84].

Профессор С.М. Шахрай, анализируя содержание ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, приходит к выводу о том, что в ней представлен исчерпывающий перечень случаев, когда могут ограничиваться права и свободы человека [124, с. 148]. Одновременно с этим Е.Б. Абакумова заключает, что закрепленные в указанной конституционной норме основания изложены таким образом, что наделяют государство очень широкой степенью усмотрения для оправдания многих ограничений прав и свобод личности [1, с. 9].

В этом процессе играет особую роль Конституционный Суд РФ. Принцип соразмерности (пропорциональности) ограничений, несмотря на отсутствие в тексте Конституции РФ, был выявлен и содержательно наполнен Конституционным Судом РФ. Произвести точный подсчет числа постановлений и определений Конституционного Суда РФ, в которых развивается мысль о соразмерных ограничениях прав и свобод человека и гражданина, затруднительно. К примеру, только за 2020 г. ссылки на принцип соразмерности (пропорциональности) были даны в 34-х из 50-ти Постановлений Суда. А в 2021 г. к тридцатилетию Конституционного Суда РФ был опубликован аналитический доклад о его деятельности, в котором названному принципу посвящен отдельный раздел. Используемые регулятивные меры, прежде всего, должны проверяться по критерию их необходимости, другими словами, следует изучать, имелись или отсутствовали другие средства, но которые предполагают наименьшее вмешательство в главные права и свободы [35].

С учетом приведенных разъяснений Конституционного Суда РФ можно констатировать, что с точки зрения права соразмерность представляет собой совокупность трех составляющих в виде: публичной цели, средств ее достижения и масштабов оснований, согласно которым вводятся ограничения.

Термин «публичный интерес» приобретает в последнее время высокую популярность, в том числе во взаимосвязи с термином «ограничения прав и свобод». В результате количество авторских дефиниций «публичных интересов» исчисляется сегодня десятками, если не сотнями. Проблема усугубляется тем, что на законодательном уровне эта категория не только не раскрывается, но и обозначается через иные понятия – «публичные потребности», «национальные интересы», «общественное благо» и др. производные от них.

По словам М.С. Павловой, опираясь на общие теоретико-правовые представления, категория «интерес», как правило, отождествляется с социальной потребностью, выгодой, желаниями и стремлениями, благами субъекта. Нельзя не увидеть, что данные трактовки совпадают в том, что в их основе лежит попытка подойти к раскрытию «интереса» через акцент на внеправовое поле. Подобное понимание объяснимо, понятно и приемлемо в повседневной жизни, между тем, в области правильного применения законов и санкций за их несоблюдение по конкретным основаниям целесообразно давать толкование рассматриваемой категории, в первую очередь, с позиций права. Одновременно с этим, можно предположить, что закрепить определение интереса в едином законе проблематично в силу многообразия его конкретных модификаций в различных сферах жизни гражданина, общества и государства [70, с. 67].

В работе выдающего дореволюционного ученого-правоведа Н.М. Коркунова можно встретить утверждение о том, что «всякое право охраняет общие интересы, которые являются не чем иным, как той или иной совокупностью частных интересов» [45, с. 179]. Выходит, что публичный интерес может оцениваться лишь через призму множества совпадающих субъективных интересов членов определенного публично-территориального коллектива. Именно в суммарном свойстве публичного интереса кроется такое его свойство как объективный характер, о котором профессор Ю.А. Тихомиров пишет особой строкой. Он настаивает на том, что категория «публичность» всегда включает в себя общие интересы людей, в совокупности с

объективированными условиями их нормального существования и деятельности [100, с. 26].

В контексте сказанного стоит обратить внимание на трактовку публичного интереса, в 2015 г. предложенную Верховным Судом РФ, которую он был вынужден дать на фоне увеличения числа гражданских, арбитражных и административных дел, в которых участвуют публично-правовые образования и собственно затрагиваются публичные интересы. По мнению Пленума Верховного Суда РФ, «публичные интересы – это, в частности, интересы неопределенного круга лиц, обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, а также обороны и безопасности государства, охраны окружающей природной среды».

По мнению В.В. Еремина, с учетом того, что в самом тексте п. 75 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. №25 присутствует словосочетание «в частности», имеется опасность дополнения и расширения потенциального понимания публичного интереса [29, с. 204]. В свою очередь, Н.А. Милосердов занимает иную позицию. Он считает, что Пленумом Верховного Суда РФ разъяснение играет очень важную роль для правоприменительной практики и последующего развития законодательства, поскольку до его появления в судах не было хоть какого-то единообразия, понятие «публичный интерес» раскрывалось в самых разных смыслах применительно даже к схожим ситуациям [56, с. 208].

Можно заключить, что с точки зрения Верховного Суда РФ, публичные интересы выступают в качестве продолжения частных интересов, следовательно, когда защищаются публичные интересы, происходит опосредованная защита интересов конкретных лиц, в том числе, на будущее время. И, как говорит О.А. Максимов, между защитой прав человека и защитой публичных интересов имеется тесная взаимосвязь, реализация одной цели неумолимо ведет к достижению другой [54, с. 23].

Обращение к публичным интересам что бы оправдать ограничения прав и свобод человека и гражданина можно соотносить с состоянием крайней

необходимости. Данная параллель четко прослеживается в одной из работ профессора Г.А. Гаджиева. Он говорит, что основания, указанные в Конституции РФ, схожи с юридической конструкцией «крайняя необходимость». В последней всегда наблюдается столкновение различных интересов. В определенных обстоятельствах лицо предпочитает защищать тот легитимный интерес, который он считает более социально значимым, принося при этом в жертву менее, на его взгляд, значимый. При введении каких-либо ограничений прав и свобод, руководствуясь принципом пропорциональности, власть в пользу публичного интереса вынуждена урезать один или несколько частных интересов. И здесь, главное, достичь компромисса – признать в определенном контексте более «важным» одно из прав, сохранив в прежнем виде содержание другого права, которое на тот момент было признано менее «важным» [16, с. 233-234].

Схожих взглядов придерживается и В.Ю. Сергеев. По его утверждению, и в Российской Федерации, и во многих зарубежных странах действует правило о безоговорочном признании конституционного принципа верховенства прав человека. Права человека могут быть ограничены в целях реализации демократических общественных интересов, которые систематически вступают в конкуренцию с системой прав и свобод человека, которая также является демократической [92, с. 79]. Далее автор поясняет, что, с одной стороны, у человека есть индивидуальные права, которые защищаются государством и правовой системой, а также гарантируются прокурорским надзором и независимым правосудием. С другой стороны, эти права не абсолютны. Новые ограничения, неизбежно связывающие конституционный институт прав человека новыми обстоятельствами, обусловлены публичной природой государства и права [92, с. 79].

В принципе, исходя из обозначенных выше постулатов, выводятся современные широкие трактовки понятия «ограничение конституционных прав и свобод».

Так, И.А. Одношевин категорию «ограничения конституционных прав и свобод» раскрывает как «решения и действия государственных органов и их

должностных лиц, фактически сужающие пределы реализации конституционных прав и свобод и объем их использования, которые должны отвечать требованиям законности, обоснованности, соразмерности и позволять сохранять сущностное содержание конкретных ограничиваемых прав и свобод» [62, с. 153].

Стоит также привести замечание Н.Н. Потаповой и О.И. Долгачевой об институте ограничения прав и свобод личности применяется только тогда, когда достигается ее цель, когда «интересы конкретной цели» могут быть достигнуты только «за счет неблагоприятных последствий конкретного средства» и когда на весах первое существенно перевешивает второе. Для поддержания этой равнозначности принцип соразмерности ограничений прав и свобод личности закреплен (хоть и в опосредованной форме) в Конституции РФ. «Публичные интересы защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства могут оправдывать правовые ограничения прав и свобод при условии их адекватности общесоциальным целям» [86, с. 100].

К.Б. Калиновский пишет что «публичные интересы могут оправдать правовые ограничения прав и свобод». Но, наряду с этим, он уточняет, что любое ограничение должно:

- отвечать требованиям справедливости,
- быть адекватным, пропорциональным, соразмерным и необходимым для защиты конституционно значимых ценностей, в том числе права и законные интересы других лиц,
- не затрагивать само существо конституционного права.

«Государство, ограничивая какое-либо конституционное право, должно обеспечивать баланс интересов (частных и публичных) и потому может использовать не чрезмерные, а только строго обусловленные конституционно одобряемыми целями меры», – заключает К.Б. Калиновский [38, с. 47].

С учетом вышеизложенного можно прийти к следующим выводам. Единственной наивысшей ценностью, прямо указанной в тексте Конституции

РФ, являются человек, его права и свободы, которые гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии со ст.ст. 2, 17 Конституции РФ. Возведение человека в ранг наивысшей ценности обуславливает наличие непосредственно в Конституции РФ положений о том, что законодатель и правоприменители не вправе отменить либо умалять ранее предоставленные человеку и гражданину права и свободы, принимать меры, приводящие к утрате реального содержания этих прав и свобод. В каждой конкретной ситуации следует руководствоваться правилом, установленным в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, о введении любых ограничений прав и свобод личности исключительно на основе федерального закона, в целях достижения конституционно значимых (публичных) целей, которым эти ограничения будут соразмерны [78].

1.2 Концептуальные основы, виды и пределы ограничений прав и свобод граждан в российском законодательстве

Проведенный выше анализ показал, что ограничения прав и свобод человека и гражданина – это тема, которая постоянно находится в сфере внимания научного и экспертного сообщества. При этом в условиях регулярного появления новых и трансформации уже традиционных ограничений основных прав личности, диктуемых тенденциями развития современного общества, на текущий момент правоведомы выработано сразу несколько версий по поводу возможных типологий (классификаций) таких ограничений.

В качестве примера первого подхода можно привести выводы авторов, являющихся сторонниками разделения всех прав и свобод личности на те, которые могут ограничиваться и, наоборот, которые не могут ограничиваться. Исходя из этой типологии, ими изучаются возможные ограничения прав и свобод. По мнению профессора А.А. Ковалева и профессора С.В. Бахина, в качестве отдельной группы следует обособлять абсолютные права, не подлежащие ограничениям ни при каких условиях (право на жизнь, свобода

мысли и др.). При признании этого, вводимые в отношении таких прав и свобод ограничения всегда будут оцениваться как непропорциональные. Что касается ограничений таких прав и свобод, как право на свободу передвижения, право на мирные собрания и т.д., то они могут считаться пропорциональными, но лишь при условии их обоснованности и соразмерности [3, с. 530].

Идея о наделении конкретной группы прав и свобод человека абсолютным характером происходит из теории естественного права, которая, несмотря на свое официальное название и длительное существование, не сформировалась естественным путем. В России она приобрела статус приоритетной в процессе подготовки текста Конституции 1993 г. Многие положения Основного Закона страны изложены таким образом, что многими абсолютными (универсальными) правами и свободами наделяется как человек, так и гражданин. Для этого используются такие слова, как «каждый», «лицо», «все», «никто». Если же речь ведется о предоставлении каких-то прав и свобод только гражданам, то в соответствующих конституционных нормах данное обстоятельство непосредственно выделяется.

В этом плане нельзя обойти внимание дискуссию, ведущуюся в последние годы, об определении перечня абсолютных прав. Автор настоящей работы придерживается точки зрения о том, что к числу абсолютных прав следует относить те, которые поименованы в ч. 3 ст. 56 Конституции РФ (см. рисунок 2).

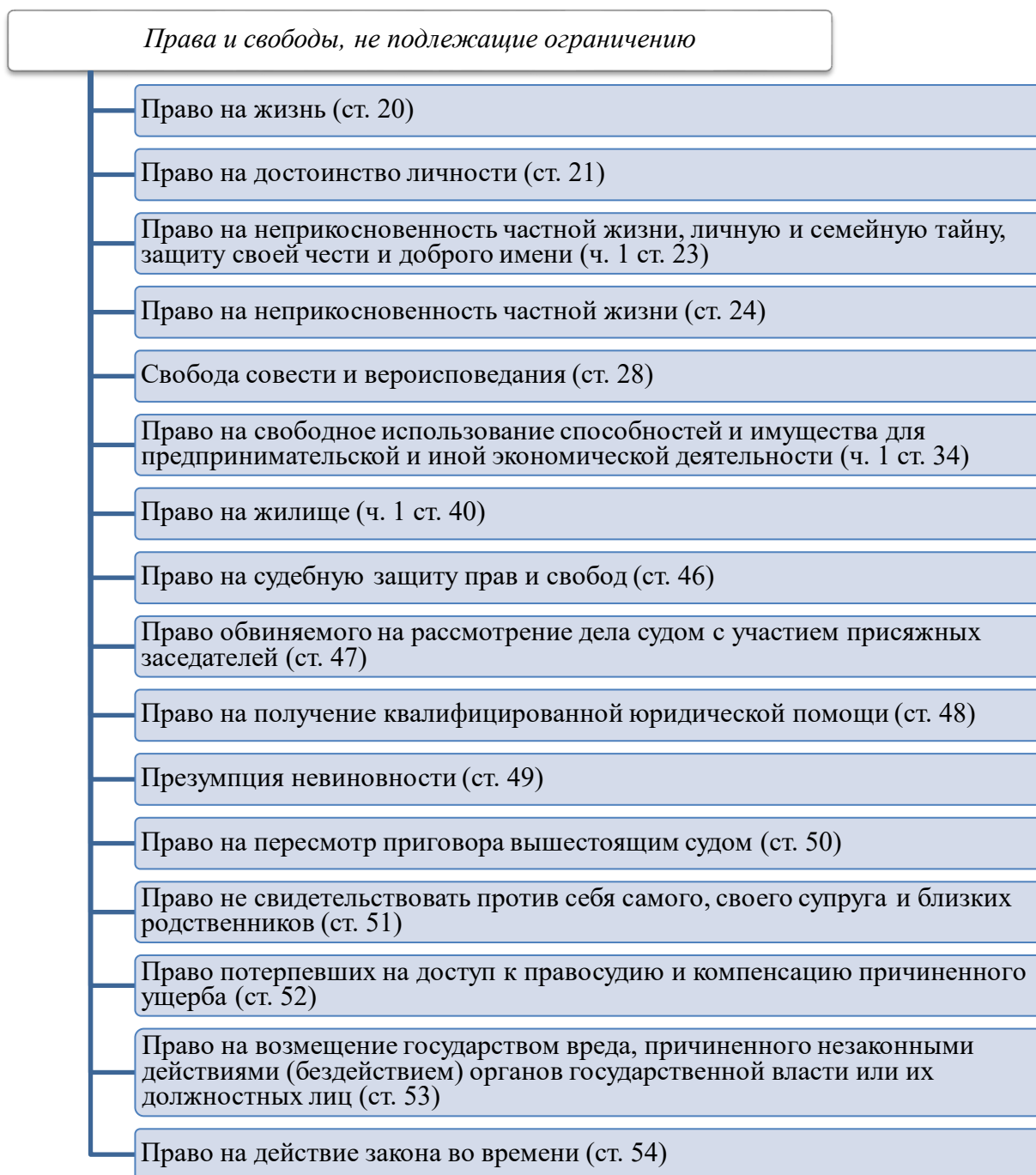

Рисунок 2 – Перечень абсолютных прав и свобод (ч. 3 ст. 56 Конституции РФ)
[составлен автором]

Конституционный Суд РФ во многих решениях последовательно обосновывает позицию, согласно которой абсолютные права и свободы человека – это отдельная группа конституционных прав и свобод, не подлежащая ограничением ни при каких обстоятельствах. У федерального законодателя отсутствует право ограничивать абсолютные права и свободы ни по одному из критериев. И, наоборот, – конституционные права и свободы, не носящие

абсолютного характера, при наличии определенных финансовых, экономических, социальных и др. условий, федеральный законодатель вправе ограничивать, но исключительно в конституционно значимых целях и при обязательном соблюдении при этом требований Конституции РФ [80; 82; и др.].

Учитывая вышеизложенное, сложно согласиться с утверждением Т.Я. Хабриевой и В.Е. Чиркина о том, что «абсолютных прав и свобод нет и быть не может, все они могут быть ограничены» [120, с. 133-134]. Спорность приведенной цитаты можно продемонстрировать на примере права на жизнь. Это абсолютное право, просто с точки зрения логики, не может ограничиваться по правилам ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Когда лицу причиняется смерть, то это никак не может считаться «ограничением» его прав; в случае смерти лицо не может восстанавливаться в правах, поскольку при отсутствии жизни любые права теряют свой смысл.

При этом можно предположить, что наиболее развернутые классификации конституционных ограничений прав и свобод приведены в работах И.В. Голованева [22, с. 8] и В.В. Таболина [99, с. 32]. Каждый из них выделяет по шесть оснований для разграничения ограничений прав и свобод по группам, которые в некоторой степени пересекаются (см. рисунки 3 и 4).

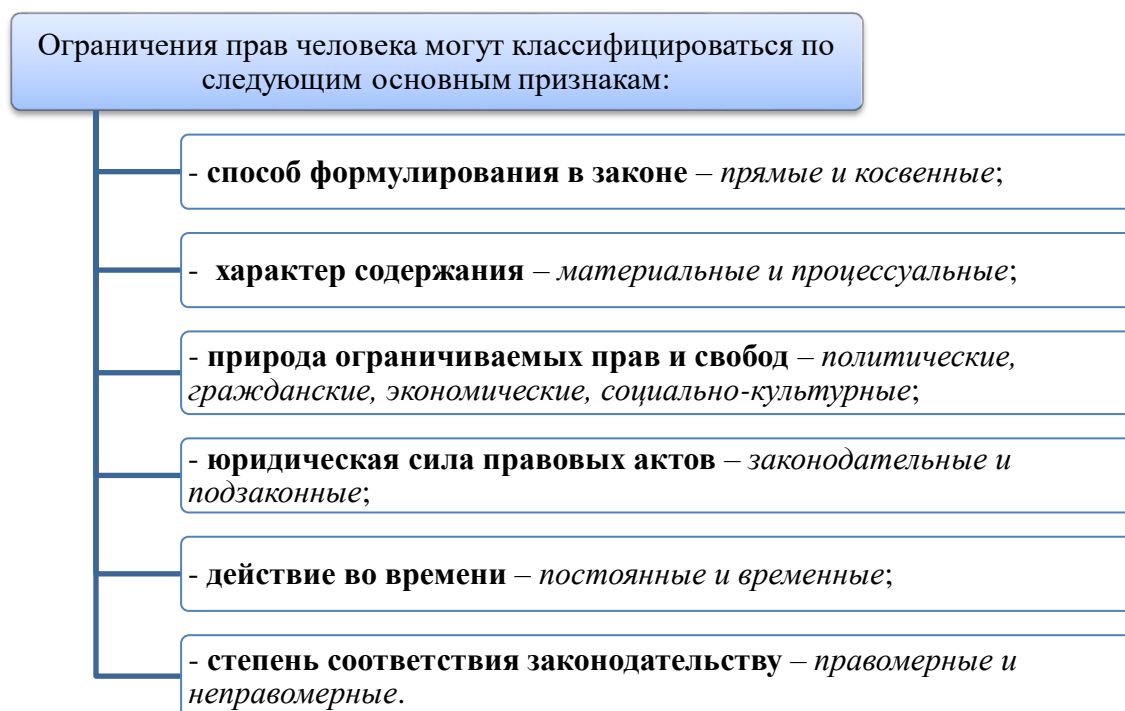

Рисунок 3 – Классификация ограничений прав человека по И.В. Голованеву

[составлен автором]

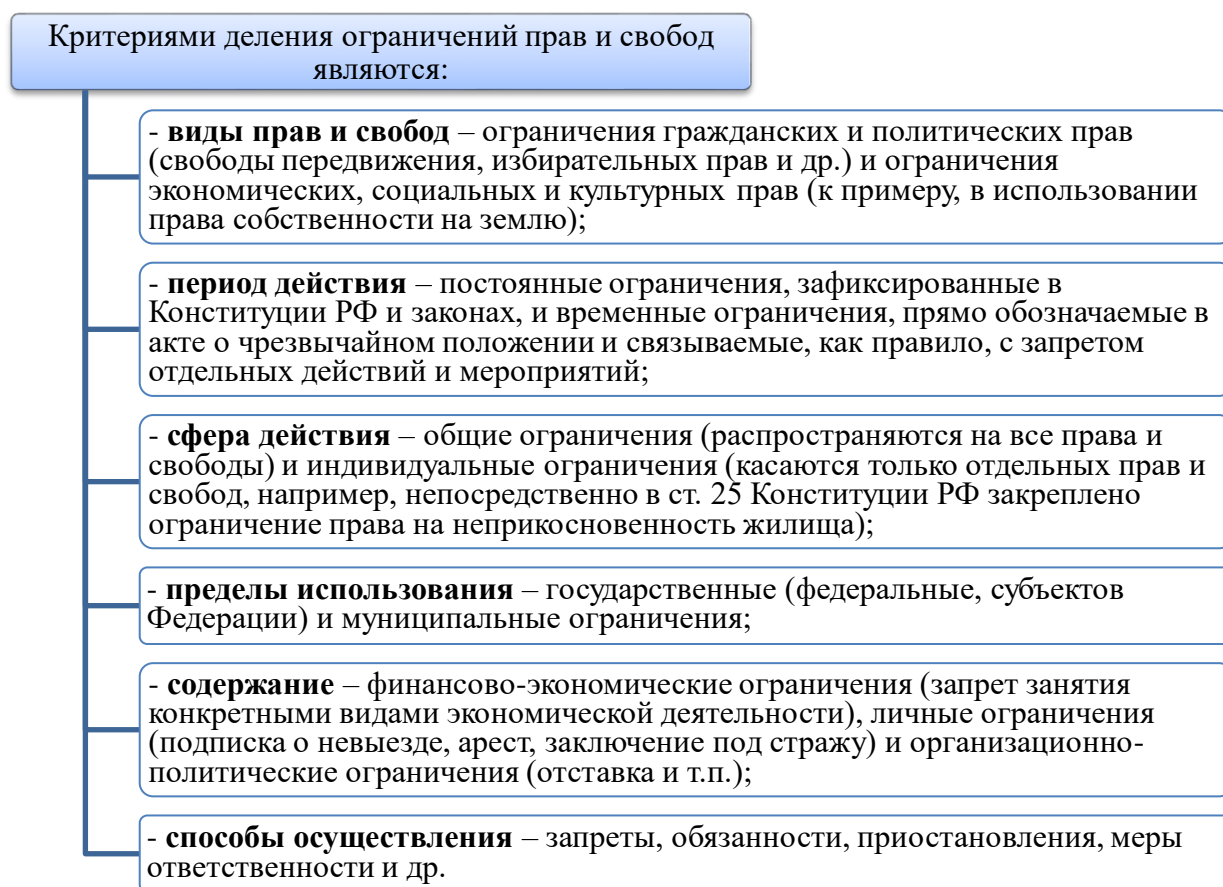

Рисунок 4 – Классификация ограничений прав человека по В.В. Тоболину

[составлен автором]

Наряду с этим, в юридической литературе приводятся и более узкие классификации ограничений прав и свобод граждан, но содержащие более подробные обоснования.

Так, К.И. Слесарский все ограничения конституционных прав и свобод личности подразделяет на три группы. Ограничения: 1) общего действия; 2) вводимые в условиях особых правовых режимов; 3) обусловленные особым правовым статусом граждан. В дополнение к этим группам автор приводит ограничения, устанавливаемые в условиях объявления военного и чрезвычайного положения, отличающиеся от названных групп ограничений тем, что всегда носят временный характер и применяются на основе федерального конституционного закона [94, с. 31].

Схожей позиции придерживается А.А. Уваров, также разграничивающий все ограничения на три вида, но несколько в ином содержании: общие ограничения; специальные ограничения; ограничения, которые вводятся при возникновении чрезвычайных ситуаций. По мнению ученого, в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ подразумеваются именно общие ограничения прав и свобод человека. Следовательно, эти ограничения могут вводиться путем принятия федерального закона и в отношении всех граждан, но только когда возникает необходимость в защите основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, а также в обеспечении обороны страны и безопасности государства. Специальные ограничения прав и свобод могут затрагивать только должностных и иных лиц, правовой статус допускаются корректировать в сторону «сужения» в целях эффективного выполнения возлагаемых на них полномочий (к примеру, это касается депутатов, судей, военнослужащих и т.п.). В свою очередь, ограничения прав и свобод, связанные с чрезвычайными ситуациями (стихийными бедствиями, массовыми беспорядками, эпидемиями и т.п.) обуславливаются потребностями реализации срочных мобилизационных мероприятий, затрагивающих большое количество людей и объектов, при одновременном наличии ограниченных материальных, организационных и иных ресурсов [103, с. 27].

Точка зрения А.А. Уварова во многом видится верной за исключением одной неточности. Вряд ли обоснованно смешивать два вида ограничений: постоянные и временные, как это им сделано. Различия между названными разновидностями ограничений достаточно удачно описаны С.В. Сергеевым. По его словам, подразделение ограничений прав и свобод личности на постоянные и временные является четким. Если первый вид ограничений (постоянных) имеет органическую связь с самой сущностью соответствующего субъективного права, то действие второго вида ограничений (временных) преимущественно обуславливается наличием особого правового режима, объявляемого на территории всего государства или его части в связи с возникновением

чрезвычайных обстоятельств, но затем обязательно подлежащего отмене [91, с. 42].

По С.В. Сергееву, классический пример постоянного ограничения – это активное избирательное право граждан. Оно ограничивается по смыслу ч. 2 ст. 29 Всеобщей декларации прав человека и ст. 55 Конституции РФ следующими юридическими цензами: гражданство, возраст, проживание на территории избирательного округа, запрет голосования гражданам, признанным недееспособными решением суда и находящимся в местах лишения свободы. Перечисленные правоограничения происходят из самой сути активного избирательного права и выступают своего рода естественными границами его функционирования. Наделение правом голосования малолетних, иностранцев, умалишенных и других категорий поименованных в законе лиц будет искажать юридическую природу складывающихся политических правоотношений. Будучи постоянными, названные ограничения активного избирательного права действуют одновременно с самим субъективным правом, без учета наличия/отсутствия экстраординарных обстоятельств.

То же самое можно сказать и о равном доступе к государственной (муниципальной) службе, который ограничивается предусмотренной законом возможностью отказа в поступлении граждан на службу; праве на неприкосновенность жилища, ограничиваемом действием института обследования жилых помещений и т.д. [91, с. 43].

В отличие от постоянных, временные ограничения прав и свобод личности имеют чрезвычайную природу, обуславливаются особыми правовыми режимами и диктуются интересами безопасности государства, общества и личности. При введении, к примеру, чрезвычайного положения механизм реализации названного выше активного избирательного права будет складываться совсем иначе. К выборам не будут допущены не только малолетние, иностранцы или умалишенные, но и вообще все граждане. Более того, исключается проведение выборов как таковых. Также приостанавливается деятельность выборных органов государственной власти субъектов РФ и органов местного

самоуправления, т.е. ограничивается активное избирательное право граждан, реализованное в прошлом, на предыдущих выборах. Мандат народного доверия продолжает действовать, однако выборные народные представители в субъектах РФ и муниципальных образованиях временно лишаются своих законных полномочий в силу предписаний федерального законодательства. Описанные ограничения, как видно, не обуславливаются содержанием активного избирательного права. Отступления от их обычного действия в рассматриваемом случае оправдываются наличием исключительных обстоятельств, после отпадения которых активное избирательное право полностью восстанавливается [91, с. 43].

А.В. Белый настаивает на том, что любой человек может и должен испытывать лишь такие лишения (ограничения правового статуса), которые строго поименованы законом и введены им же [5, с. 30]. В этой связи справедливы рассуждения Е.В. Субботиной, согласно которым использование словосочетаний «в соответствии с законом» либо «предписано законом», однозначно указывает на то, что любые ограничения права и свободы должны «четко устанавливаться», увязываться с «предсказуемыми последствиями», осуществляться в рамках «дискреционного права», которое обусловлено «допустимыми основаниями» [98, с. 126].

В приведенных цитатах несложно увидеть основные пределы допустимости правоограничений в правовом демократическом государстве. По сути, в них идет речь о рассмотренном выше принципе соразмерности, предполагающем, что применяемые ограничения должны соответствовать искомой цели. Стоит присоединиться к позиции Ю.В. Капрановой и А.В. Капранова о том, что при возникновении ситуации конкуренции интересов личности и общества важным является достижение разумного и оптимального соотношения между преследуемыми публичными целями, публично значимыми, общественно полезными результатами и применяемыми средствами ограничений прав и свобод личности. Конечно, найти баланс бывает сложно. Он необходим и обеспечить его можно, опираясь на следующую модель: принцип

приоритета прав человека над публичными интересами, имеющий ключевое значение в правовом государстве, требует, чтобы ограничения прав и свобод были минимальными и восполняемыми определенной компенсацией со стороны государства посредством предоставления дополнительных прав и свобод, гарантий от злоупотреблений [39, с. 58].

Наглядной иллюстрацией несоразмерности законодательных ограничений может служить ситуация, описанная в Постановлении Конституционного Суда РФ от 23 апреля 2004 г. № 9-П. В рассмотренном деле законодатель, ссылаясь на дефицит федерального бюджета, приостановил действие статей закона о бюджете, которыми предусматривалась денежная компенсация уволенным с военной службы лицам и членам их семей. Суд, признав данное решение не соответствующим Конституции РФ, в том числе, ст. 55, обратил внимание на необходимость соблюдения принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, сохранение разумной стабильности правового регулирования, недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм и важность предсказуемости законодательной политики в социальной сфере, в частности по вопросам социального обеспечения военнослужащих. Указано, что «изменение в одностороннем порядке своих обязательств могло иметь место только при наличии надлежащего механизма соответствующего возмещения, формы и способы которого могут меняться, но объем не должен уменьшаться» [79].

Принимая во внимание вышеизложенное, стоит сказать, что пределы ограничений прав и свобод личности – это вопрос, преимущественно носящий теоретический характер и волнующий, в основном, правоведов и практикующих юристов. Совсем иное значение он приобрел в 2020 г., когда о правомерности/неправомерности ограничений заговорили обычные граждане во многих странах мира. Причиной этому явилась коронавирусная инфекция (COVID-19), признанная ВОЗ 11 марта 2020 г. пандемией. Она стремительно стала вызовом даже не национальной, а глобальной безопасности, превысив по своим негативным последствиям многие до того считавшиеся разрушительными

стихийные бедствия, экологические катастрофы, техногенные аварии. Пандемия коронавируса охватила весь мир. На текущий момент опубликованы официальные сведения, из которых следует, что по состоянию на июнь 2023 г. было зарегистрировано уже более 767 млн. случаев заражения, притом, что скончалось от заболевания свыше 6,9 млн. человек. Такие данные позволяют считать COVID-19 одной из самых смертоносных вспышек заболевания в истории человечества [129].

Беспрецедентная по своему масштабу надвигающаяся угроза вынудила Верховного комиссара ООН по правам человека М. Бачелет сделать заявление о необходимости принятия руководством всех стран срочных всесторонних мер для того, «чтобы коронавирус не привел к еще более масштабному неравенству на фоне страданий большого количества людей» [33]. Правда, всех мероприятий оказалось недостаточно. Спустя непродолжительное время стало ясно, что большинство государств не в силах противостоять новой угрозе в одиночку и традиционными средствами. В этом плане не имело значение ни их экономический, ни политический, ни иной уровень развития. В области государственного управления стала очевидной потребность в новых методах, позволяющих принимать управленческие решения в соответствии с актуальными потребностями общества. Важной задачей стал поиск оптимальных условий существования и функционирования государства, общества и личности во время пандемии.

При этом, как показало время, пандемия COVID-19 стала действительно серьезным испытанием для государства и права. Помимо проблем в области здравоохранения и безопасности, с которыми столкнулось мировое сообщество, появление новой коронавирусной инфекции поставило задачу обеспечить нормальное функционирование общества в новых (чрезвычайных) обстоятельствах, одновременно защищая основные принципы демократии и верховенства закона. Некоторые страны пытались смягчить последствия для своих граждан, завершив «войну с невидимым врагом» с минимальными потерями. В результате они использовали различные нормативные и

институциональные инструменты, предполагающие ограничения основных прав и свобод. Де-факто такие ограничения были санкционированы ВОЗ, призвавшей к «срочным, агрессивным действиям» со стороны национальных правительств. Призыв ясно показывает, что от государств требовалось проявление активной позиции – противостояние распространению заболевания посредством превентивных оперативных мер, зачастую подразумевающих ограничение некоторых прав и свобод с целью защиты других прав и свобод. Сама реализация так называемых позитивных обязательств государств поставила чрезвычайно важный вопрос: «Когда и при каких условиях допускается ущемление или ограничение прав и свобод человека?».

М.А. Илесанми еще до начала распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19 пояснял, что любые пандемии опасных для человека заболеваний требуют активного применения ограничений прав и свобод человека для локализации и прекращения стремительного прироста числа инфицированных [34, с. 64]. Вместе с тем, сложно оспорить тезис о том, что любое ограничение прав и свобод должно иметь свои явные пределы – какими бы тяжелыми ни были последствия эпидемий и пандемий.

Т.А. Грищенко и В.Г. Когут, опираясь на эмпирические данные, отмечают, что в связи с пандемией за два года были изменены такие основные права, как: свобода слова; свобода собраний и свободы передвижений; право на тайну личной жизни и конфиденциальность информации; право на труд [25, с. 3-7]. А.С. Урошлева приходит к схожим выводам. Она считает, что государства, вынужденные охранять, в первую очередь, такой публичный интерес, как общественное здоровье (public health), подвергли серьезным ограничениям: свободу передвижения и свободу собраний, право на неприкосновенность частной жизни, свободу вероисповедания, право доступа к государственным «услугам» (включая правосудие и медицинскую помощь) [105, с. 61, 63].

По словам О.В. Боднарчук, в этой ситуации логичным стал рекордный рост жалоб в Европейский суд по правам человека. Заявители обращались по поводу оспаривания ограничений, затронувших право на демонстрации, религиозные

собрания и коллективные богослужения, право на публичное судебное разбирательство, право на свидания с осужденными и др. [6, с. 137-138].

Население Российской Федерации также не отличалось однозначным восприятием экстраординарного правового регулирования, сложившегося в 2020 г. И в Конституционный Суд РФ, и в суды общей юрисдикции стали поступать многочисленные обращения с требованием оценить на предмет законности «антиковидные» меры. С.Г. Павликов указывает, что ограничения, введенные весной 2020 г., кроме потока исковых заявлений к региональным правительствам, спровоцировали своего рода протестное движение в виде распространения в социальных сетях различных петиций о введении чрезвычайного положения или о запрете главам субъектов РФ вводить ограничения прав и свобод человека [68, с. 55].

Нельзя не сказать, что в условиях борьбы с коронавирусом на граждан действительно были возложены нетипичные обязанности. Помимо требований о ношении масок и перчаток, населению запрещалось посещать общественные места, а в некоторых субъектах РФ – даже выходить из дома без необходимости. Сотрудники организаций стали обязаны незамедлительно информировать своих работодателей о наличии у них или у совместно проживающих с ними лиц симптомов ОРВИ и COVID-19, проходить медицинские обследования, соблюдать социальную дистанцию на рабочих местах. Эти и иные обязанности были закреплены на уровне либо подзаконных актов [104, абз. 2 п. 4.1, п. 5, 9, 11, 12.1, 12.2], либо писем органов Роспотребнадзора [73] и иных органов исполнительной власти. С.В. Степанов придерживается однозначной позиции о том, что налицо имело место быть фактическое сопряжение исполнения большинства перечисленных обязанностей с вмешательством в сферу личной и врачебной тайн, и прямое противоречие предпринятых государством мер с положениями Конституции РФ [96, с. 60].

Нельзя не отметить, что в некоторых зарубежных странах правительства все же пошли на введение чрезвычайного положения. На разные периоды данный режим устанавливался в Италии, Сербии, Доминиканской Республике,

Панама, Таиланде, Японии и др., тогда как в Албании, к примеру, действовал режим стихийного бедствия.

В Российской Федерации также обсуждалась возможность объявления карантина, самоизоляции и других мер ограничительного характера. Для этого мог использоваться Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» [117], имеющий четкий алгоритм реализации государственной политики в условиях режима чрезвычайного положения. Требования Федерального конституционного закона от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ вполне отвечали потребностям, имеющим место быть в начале весны 2020 г. На тот момент уже были введены требования об: ограничении свободы передвижения; усиленной охране общественного порядка; запрете осуществления отдельных видов финансово-экономической деятельности; особых правилах движения транспортных средств с возможностью их досмотра.

Однако, как считает О.В. Брежнев, применение Федерального конституционного закона от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ могло лишить региональных властей гибкости в принятии решений. «Была принята во внимание неравномерность распространения инфекции по территории Российской Федерации, которая требовала разного уровня правоограничений для отдельных субъектов РФ», – резюмирует автор [9, с. 33]. При этом, А.Ф. Пьянкова настаивает на том, что ответ на вопрос об отказе от положений Федерального конституционного закона от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ следует искать в его же ст. 29. В соответствии с ней, гражданам гарантируется право на возмещение причиненного ущерба. Кроме того, еще задолго до текущего момента правоведами обсуждалась проблема о том, что режим чрезвычайного положения мало подходит для неблагоприятных эпидемических ситуаций [90, с. 56].

В течение марта 2020 г. главами субъектов РФ принимались решения (постановления и указы), которыми устанавливался режим повышенной готовности на своих территориях. В Самарской области такое постановление Губернатор утвердил 16 марта [75]. Меры, предусмотренные в подобного рода

актах, различались. К примеру, в Москве в соответствии с указом мэра города все жители столицы не могли покидать место своего проживания без уважительных на это причин. Тогда как на территории Амурской, Белгородской, Самарской, Саратовской, Тульской, Тверской, Ярославской областей и в городе Санкт-Петербург режим обязательной самоизоляции для всего населения не вводился, не было и специальных цифровых пропусков на перемещение. Но наряду с этим в названных субъектах РФ действовали ограничения для отдельных категорий граждан (например, в Самарской области обязательной самоизоляции подлежали пенсионеры) и устанавливался запрет на посещение парков, детских и спортивных площадок, торговых и развлекательных центров, иных общественных мест.

Правда, легализованы описанные действия региональных властей были только 1 апреля 2020 г., когда вступил в силу Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 98-ФЗ [106] в Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [110].

Именно опережающая правовая регламентация, действовавшая в субъектах РФ, позволяет А.Ф. Пьянковой констатировать наличие в принятых государственными органами власти субъектов РФ принудительных мерах по борьбе с пандемией неправомерные ограничения прав и свобод человека [90, с. 55]. Профессор В.А. Винокуров также считает, что решениями высших должностных лиц или высших исполнительных органов государственной власти субъектов РФ в отсутствие законных на то оснований устанавливались ограничения конституционных прав и свобод [11, с. 202].

Но не все ученые столь категоричны в своих оценках. В частности, профессор Р.М. Дзидзоев не видит тождественности между ограничительными мерами, принимаемыми субъектами РФ в режиме повышенной готовности, и ограничениями прав и свобод человека в их буквальном юридическом смысле, предполагающем намеренное и направленное создание условий, препятствующих реализации прав и свобод человека. Вполне справедливо, что

на законодательном уровне такие меры определялись как «ограничительные меры», а не как «ограничения прав и свобод». Если бы государство не пошло на их применение, то под угрозой могла оказаться жизнь многих людей, являющаяся наивысшей юридической ценностью. Принятие экстренных мер ограничительного свойства было попросту необходимым [28, с. 35]. М.Н. Шалберкина также отстаивает точку зрения о том, что избранный государством курс противодействия распространению заболевания выглядел как средство усиления гарантий права на охрану жизни и здоровья, пусть и в ущерб другим конституционным правам и свободам. Утвержденные весной 2020 г. меры ограничительного характера (полностью отмененные летом 2022 г., – прим. авт.) были вынужденными и во многом неизбежными. С одной стороны, они выглядели достаточно жестоко, с другой – с их помощью не были допущены более пагубные последствия [123, с. 84, 88].

Конституционный Суд РФ не смог остаться в стороне от изучения принятых «антиковидных» мер на предмет их конституционности. Знаковым событием в этом плане стало Постановление Конституционного суда РФ от 25 декабря 2020 г. № 49-П [81].

Конституционный Суд РФ не признал нарушения во введенных правительством Московской области мер, ограничивающих свободу передвижения граждан. По мнению судей, эти меры: допускали разумные исключения в различных жизненных ситуациях (необходимость оказания экстренной медицинской помощи, необходимость покупки товаров и др.); были временными; подлежали пересмотру в связи со складывающейся санитарно-эпидемиологической обстановкой; обеспечивались дополнительными гарантиями и компенсациями, предусмотренными федеральными законами. Жизнь и здоровье человека Суд назвал высшим благом, без которого не имеют смысла многие другие блага и ценности. Принимая это во внимание, забота о сохранении и укреплении жизни и здоровья – одна из первейших и основополагающих конституционных обязанностей государства; при определенных обстоятельствах интересы защиты жизни и здоровья граждан

могут преобладать над ценностью сохранения обычного правового режима реализации иных прав и свобод.

Анализ практики применения нормативно-правовых актов, принятых в целях борьбы с распространением коронавирусной инфекции, проведенный Минюстом России, также показал, что реализованные субъектами РФ меры в рамках установления режима повышенной готовности и обязательных правил поведения при его введении соответствовали конституционным целям охраны жизни и здоровья граждан, носили соразмерный характер угрозе распространения эпидемии по территории России, были исключительно временными, подлежали регулярному пересмотру на предмет соответствия текущей ситуации, и в целом не противоречили мировому опыту. Согласно позиции ведомства, постепенные послабления ограничений в связи с улучшением эпидемиологической обстановки свидетельствуют о том, что цель данных мер заключалась именно в защите здоровья людей, а не в произвольном вмешательстве в их личную жизнь [36].

Вместе с тем, можно озвучить предположение о том, что в изучаемый период нормативно-правовая основа профилактических мероприятий должна была развиваться в сторону специализации законодательства о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения. Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ, выбранный в качестве первоисточника для внесения соответствующих изменений, не совсем подходил для цели противодействия опасной инфекции. При всех своих преимуществах, он в большей степени направлен на природные и техногенные катаклизмы. Борьба с пандемией вызвала реализацию защитных, в том числе ограничительных, мер совершенно иного толка.

Не дожидаясь возникновения в будущем аналогичной ситуации, когда потребуется быстрая реакция государства и его органов на опасности и угрозы (что нежелательно, но возможно), сегодня нужно на уровне федерального закона (никак не актов субъектов РФ) определить, что представляют собой карантин, самоизоляция, масочный режим, какие мероприятия при этом могут вводиться,

кем, когда и в каком порядке. Этим целям во многом отвечает Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», в положениях которого прямо говорится об ограничительных мероприятиях (карантине) [115, ст. 1, 5, 6 и др.].

При этом приоритетное значение в любом случае должно иметь требование ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. По верному утверждению Н.В. Варламовой, наделение чрезвычайными полномочиями является типичным решением в случае необходимости преодолевать кризисные явления [10, с. 28].

Подводя итог комплексного анализа научно-теоретического обоснования ограничений прав и свобод человека, можно сказать, что человек, его жизнь, права и свободы – это высшая ценность государства. Данное утверждение логично вытекает из многочисленных международных актов и Конституции РФ. И, несмотря на то, что Конституция РФ является актом общего действия, не содержащим конкретных указаний, как поступать в каждом конкретном случае, руководство ее положениями позволяет не допускать перевеса в пользу частных или публичных интересов. Такая ситуация, в частности, сложилась при распространении COVID-19, когда государство было вынуждено оперативно и эффективно противодействовать новой угрозе и обеспечивать защиту жизни и здоровья большинства населения, даже в ущерб некоторым другим правам и свободам человека.

Глава 2 Конституционно-правовой статус военнослужащих и ограничения их прав и свобод

2.1 Понятие конституционно-правового статуса военнослужащих в отечественном законодательстве

Военная служба – это особый вид государственной службы, имеющей непосредственную объективную связь с обеспечением обороны страны и безопасности государства, а, значит, осуществляемой в публичных интересах. Проведение специальной военной операции в очередной раз подтвердило значимость стоящих перед государством задач, связанных с защитой не только населения Донбасса, но и безопасности Российской Федерации, а также той роли, которую играют Вооруженные Силы РФ в решении этих задач.

Общепризнанным фактом является то, что военнослужащие выполняют конституционно значимые функции и, в первую очередь, поэтому имеют специальный конституционно-правовой статус [76]. Данная мысль последовательно отстаивается и в юридической литературе. В частности, С.В. Полунин и А.С. Васильев подчеркивают, что реализация военнослужащими конституционно значимых функций прямо отражается на их правовом положении. Оно же проистекает из «особого характера выполняемых ими задач – несения службы в условиях, нередко сопряженных с риском для жизни и здоровья, повышенными физическими и эмоциональными нагрузками, а также неблагоприятного воздействия различного рода иных факторов» [74, с. 113]. Схожей точки зрения придерживается Н.В. Антипьева, когда говорит о том, что «деятельностью военнослужащих в публичных интересах обуславливается их правовой статус». Одновременно с этим она уточняет, что специфика военной службы обуславливает также проявление особого отношения со стороны государства к военнослужащим и членам их семей [2, с. 108].

Учитывая выше приведенные рассуждения, нельзя обойти вниманием позицию профессора А.В. Кудашкина: «государство, принимая на себя

обязательства по обеспечению прав военнослужащих, вправе требовать от них правомерного поведения, которое бы соответствовало эталонам, зафиксированным в юридических нормах; именно в этих целях формулируются дополнительные требования в системе обязанностей военнослужащих и устанавливаются меры юридической ответственности за их невыполнение» [49, с. 3].

Из сказанного вытекает необходимость детальной регламентации правового статуса военнослужащих. Данному вопросу посвящен Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» [111]. Однако только его положениями определение правового статуса военнослужащих не ограничивается. Соответствующие нормы содержатся в Конституции РФ, Трудовом кодексе РФ [101], Федеральном законе от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» [113] и других нормативно-правовых актах.

С одной стороны, можно констатировать подробное изучение содержания правового статуса военнослужащих в доктрине. Он последовательно раскрывается в исследованиях Н.В. Артамонова, Н.В. Витрука, И.В. Кудрявцева, А.В. Кудашкина, С.Г. Лысенкова, Ю.И. Мигачева, А.А. Стремоухова и др.

С другой стороны, единодушие в терминологии и в выделении конкретных составляющих правового статуса военнослужащих отсутствует.

Достаточно отметить употребление в этом плане двух смежных понятий «правовое положение» и «правовой статус». Проблема их соотношения имеет длительную историю развития, но дискуссия по этому поводу не утихает по сегодняшний день. Как отмечает О.В. Купцова, при совпадении общего представления о правовом статусе как законодательно определяемом положении субъекта в обществе ученые расходятся во мнениях о соотношении категорий «правовой статус» и «правовое положение», а также в определении структуры правового статуса и/или правового положения [51, с. 3].

В научной среде образовалось два противостоящих друг другу «лагеря». На одной стороне находятся специалисты, отстаивающие точку зрения о

синонимичности «правового положения» и «правового статуса», а потому неприемлемости их различного использования [4, с. 5-6; 72, с. 131]. На другой – авторы, видящие в «правовом положении» и «правовом статусе» существенные различия. Например, А.Ю. Якимов под правовым статусом субъекта понимает его стабильное правовое состояние, которое отличается от правового положения субъекта, характеризующегося изменяющейся совокупностью прав и обязанностей в зависимости от существующих правоотношений, в которые вступает данный субъект [128, с. 15]. Есть на этот счет и иные обоснования, правда, не совсем логически стройные. Так, В.Н. Протасов, настаивающий на неправомерности отождествления терминов «правовой статус» и «правовое положение», говорит о том, что «именно правовым статусом и обусловленной им совокупностью конкретных правовых связей определяется правовое положение лица» [89, с. 180]. С чем здесь проявляется разница уяснить сложно.

Не вдаваясь в контексте заявленной темы в тонкости теории права, в большей степени все же видится этимологическое тождество терминологических конструкций «правовой статус» и «правовое положение», тем более что на законодательном уровне такой подход является превалирующим. В качестве примера можно привести главу третью Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации».

При этом следует заметить, что категория правового статуса выражает сферу имеющихся возможностей и должного поведения. Обязательными элементами правового статуса практически без споров признаются субъективные юридические права, свободы и обязанности. В числе иных составляющих упоминаются законные интересы, правосубъектность, правовые принципы, юридическая ответственность, а также гарантии субъективного права и свободы.

Правовому статусу военнослужащих соответствует широкий круг его составных частей. Данный вывод подтверждается в ч. 1 ст. 1 ФЗ «О статусе военнослужащих», в которой сказано, что «статус военнослужащих – это

совокупность прав, свобод, гарантированных государством, а также обязанностей и ответственности военнослужащих, установленных этим федеральным законом и иными нормативными правовыми актами РФ». Из ч. 2 этой же статьи следует, что правовой статус военнослужащих является специальным, поскольку в ней предусматривается возможность наложения на них дополнительных ограничений, наряду с предоставлением дополнительных гарантий и компенсаций.

И.В. Кудрявцев, опираясь на процитированные нормы, заключает, что «одновременно с изменением правового статуса военнослужащих в сторону большего ограничения прав и свобод, увеличения и усложнения обязанностей, повышения ответственности пропорционально увеличиваются социальные гарантии, компенсации, а также льготы» [50, с. 4].

Перечень лиц, которые могут иметь специальный правовой статус военнослужащих, определен в ст. 2 ФЗ «О статусе военнослужащих». В первую очередь, такими являются военнослужащие, проходящие военную службу по контракту и по призыву. Причем, исходя из ч. 2 ст. 2 этого же Закона, «граждане (иностранцы граждане) наделяются статусом военнослужащих с началом военной службы и утрачивают его с окончанием военной службы».

На основе буквального толкования ст. ст. 1 и 2 ФЗ «О статусе военнослужащих» и иных статей данного нормативно-правового акта можно констатировать, что ключевое предназначение ФЗ «О статусе военнослужащих» заключается в четком закреплении прав, свобод, обязанностей и ответственности военнослужащих. Правда, эта цель является не единственной. Для развития правового статуса военнослужащих в ФЗ «О статусе военнослужащих» также содержатся нормы о мерах государственной политики, направленной на полноценное обеспечение правовой и социальной защиты граждан, проходящих военную службу.

На этом основании, т.е. в силу прямого указания ФЗ «О статусе военнослужащих» на определение системы государственных гарантий, С.В. Полунин и А.С. Васильев видят возможным определять правовой статус

военнослужащих с точки зрения широко подхода. По их словам, «в правовой статус военнослужащих следует включать не только права и свободы военнослужащих, гарантированные государством, но и гарантированные государством права, которые принадлежат уже не военнослужащим, а лицам, уволенным с военной службы, и/или членам семей военнослужащих».

Приняв в качестве руководящей озвученную позицию, получится, что правовой статус военнослужащего включает в себя несколько составляющих, представленных на схеме рисунка 5.

Рисунок 5 – Правовой статус военнослужащего [составлен автором]

В такой ситуации обоснованной видится рекомендация внести изменения в ч. 1 ст. 1 ФЗ «О статусе военнослужащих» в следующей редакции: «Статус военнослужащих есть совокупность прав и свобод, гарантированных государством; обязанностей и юридической ответственности военнослужащих; социальных гарантий лицам, уволенным с военной службы, и членам семей военнослужащих, установленных настоящим Федеральным законом, федеральными конституционными законами, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации».

Особое внимание следует уделить пояснению специфики правового статуса военнослужащих.

Такой особый род деятельности, как военная служба, требует от военнослужащих принятия Военной присяги и проявления верности своему Отечеству. Как подчеркивает М.В. Бондаренко, каждый военнослужащий обязуется «самоотверженно выполнять свой долг по защите Отечества в случае угрозы его целостности и государственному суверенитету» [7, с. 9]. Данное заключение прямо вытекает из Военной присяги, текст которой закреплен в ст. 40 ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», для всех военнослужащих (ч. 2) и отдельно для военнослужащих – иностранных граждан (ч. 3) (см. рисунок 6).

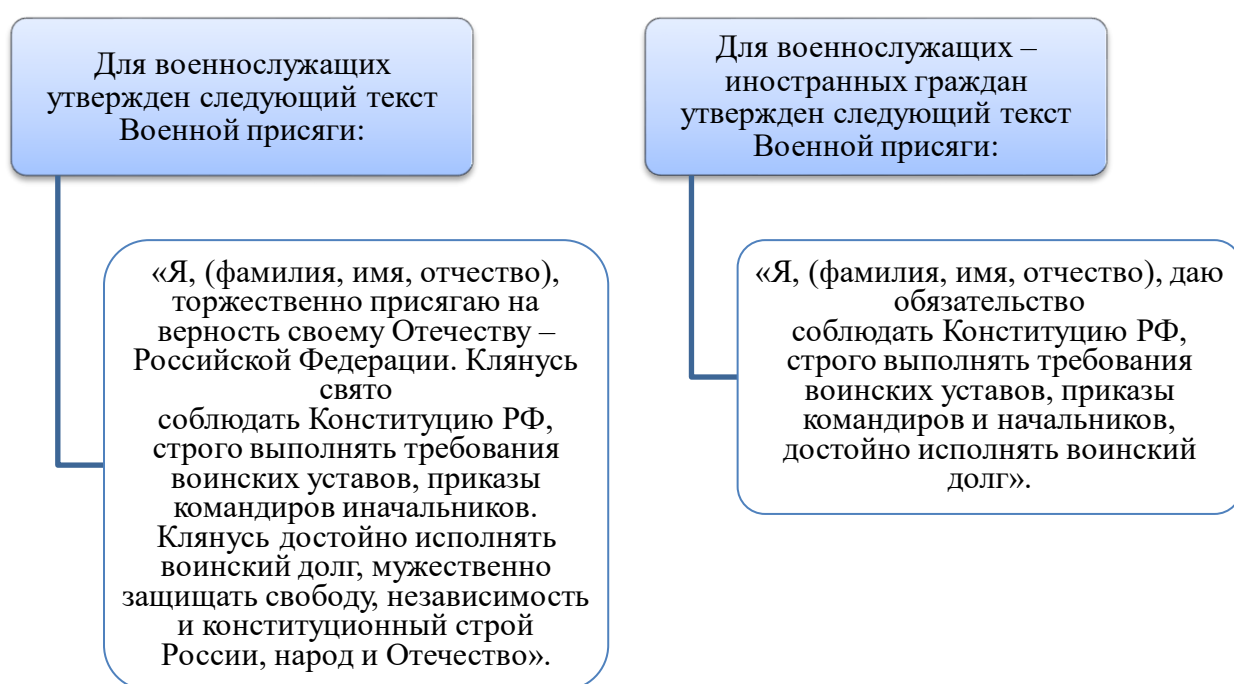

Рисунок 6 – Текст Военной присяги [составлен автором]

Как видно из присяги, одновременно объясняющей суть и цель военной службы граждан, предполагающей возможность законного ограничения их прав и свобод, включая пределы распоряжения собой, собственными временем и силами, для полноценного решения поставленных перед ними задач. И именно, специфика полномочий, которые возложены на военнослужащих в период прохождения ими военной службы, обуславливает правомерность правила о том, что «положения трудового законодательства распространяются на них исключительно в случаях, прямо предусмотренных законом» (ТК РФ). При этом

не имеет значения то, что законодатель относит военную службу к возможности реализации трудовых прав граждан-военнослужащих.

Согласно утверждению В.А. Глухова, в отношении военнослужащих вообще затруднительным является применение общего понятия «трудовая функция». Особенности исполнения военного долга требуют от военнослужащих быть специалистами широкого профиля, исходя из складывающейся ситуации. Обязанность, возложенная на них по исполнению любых (помимо явно незаконных) приказов также свидетельствует о том, что военнослужащие при прохождении военной службы не ограничиваются компетенцией, которая определена занимаемой должностью. Функция по защите Отечества предполагает чрезвычайно обширный спектр деятельности, которую военнослужащий в определенных условиях должен осуществлять [19, с. 48].

Вышеизложенное непосредственно указывает на то, что правоспособность военнослужащих как субъектов правоотношений имеет определенные ограничения, наряду с повышением уровня их государственно и общественно ориентированных обязанностей и социальной ответственности. Вместе с тем, ограниченная правоспособность военнослужащих не является некомпенсируемой. Государство обязано обеспечивать военнослужащим (и членам их семей) более высокий уровень жизни, включая дополнительные гарантии по жилищному, социальному, пенсионному обеспечению. Тем самым, восполняется возможный негативный эффект от ограничений, налагаемых на военнослужащих (сглаживается вмешательство публичной власти в частную жизнь). Подобного рода социальные гарантии и компенсации преимущественно являются публично-правовыми, образующими особый институт социально-правовой защиты военнослужащих.

Так, С.С. Харитонов и А.В. Малаханов говорят о том, что социальная (социально-правовая) защита военнослужащих – это одна из обязательных функций государства, включающая в себя, в частности, обеспечение органами военного управления реализации военнослужащими прав [122, с. 67]. В свою очередь, В.М. Шеншин и Л.А. Шеншина под социально-правовой защитой

военнослужащих предлагают понимать «функционирующую систему нормативно-правовых актов и органов государственной власти, обеспечивающих нормальное материально-бытовое, правовое и моральное положение военнослужащих и членов их семей в обществе» [126, с. 14].

В целом, социально-правовая защита военнослужащих играет роль специального механизма разрешения противоречий между законодательно зафиксированным специальным правовым статусом военнослужащих и реальным положением последних в обществе, т.е. их социальным статусом.

Не будет ошибочным сказать, что в военном праве проблема социально-правовых гарантий реализации прав и обязанностей военнослужащих была и остается одной из наиболее актуальных. По сведениям С.В. Полунина и А.С. Васильева, «нормативная правовая база, призванная обеспечивать правовой статус военнослужащих, на текущий момент включает более 100 федеральных законов, указов Президента РФ, постановлений и распоряжений Правительства РФ и органов государственной власти федерального уровня» [74, с. 115]. Вместе с тем, в судебной практике вопрос должной реализации прав и свобод военнослужащих, гарантированных государством, к сожалению, традиционно является проблематичным.

Ю.Г. Федотова по данному поводу замечает, что по многим важным нюансам, связанным с исполнением общих, должностных и специальных обязанностей военнослужащих не сформировано правовых позиций, что приводит к дисбалансу правового статуса одной и той же категории граждан, участвующих в обеспечении обороны и безопасности [118, с. 28]. И, невзирая на то, что высшие суды неоднократно указывали на единство правового статуса лиц, проходящих военную службу, проблематика обеспечения единообразных гарантий военнослужащим по-прежнему стоит достаточно остро [77].

Так, проведение специальной военной операции на юго-востоке Украины актуализировало задачу разобраться с вопросом определения правового статуса добровольцев, лиц, призванных на службу в рамках частичной мобилизации, и бойцов частных военных компаний, его соотношения с правовым статусом

военнослужащих. Возникающие раз за разом спорные ситуации вынудили государство дать реакцию и последовательно распространить статус военнослужащими на граждан, пребывающих в добровольческих формированиях, созданных Министерством обороны РФ по решению Президента РФ [108].

Приравнивание в правах всех названных лиц стало основанием не только для получения ими дополнительных мер социально-правовой поддержки, но и для применения к ним всех ограничений, предусмотренных специальным статусом военнослужащих, включая специальную юридическую ответственность [12, с. 42]. По мнению юристов, этот вывод касается и участников частной военной компании (ЧВК) «Вагнер», задействованных в боях на юго-востоке Украины, поскольку в отсутствие прямого указания закона их все же можно относить к гражданам, пребывающим в добровольческих формированиях [23]. Во избежание коллизий в будущем такое понимание следует отразить в законодательстве. События 24 июня 2023 г., связанные с военным мятежом, вызвали обсуждение вопросов, связанных с правовым статусом бойцов ЧВК и самой ЧВК, ее правовым регулированием.

2.2 Ограничения, накладываемые на военнослужащих в Российской Федерации

Конституция РФ, как уже было выяснено выше, допускает введение федеральным законом ограничений отдельных прав и свобод личности. Специальный правовой статус военнослужащих, установленный ФЗ «О статусе военнослужащих», ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» и другими федеральными законами, представляет собой вариант правомерного наложения подобного рода ограничений.

Ограничения прав и свобод военнослужащих относятся к числу важнейших компонентов их правового статуса [26, с. 112-114]. По мнению Е.А. Глухова «ограничение прав военнослужащих происходит не под воздействием

наступления каких-то внешних и временных обстоятельств, а ввиду самого наделения их таким статусом (ч. 2 ст. 1 ФЗ «О статусе военнослужащих»). Предполагается, что личные неимущественные права военнослужащих могут быть ограничены не только в период фактического их участия в боевых действиях и в обеспечении обороны страны, а на постоянной основе, уже заранее в мирное время, без наличествующей опасности обществу и государству» [20, с. 94]. При этом К.Г. Шветова акцентирует внимание на том, что «ограничения некоторых прав и свобод, гарантированных человеку Конституцией РФ, распространяются на всех военнослужащих независимо от служебного положения, но вводятся только законом и должны быть соразмерны охраняемому общественному интересу, основываться на принципе запрета чрезмерных ограничений прав и свобод» [125, с. 146].

Уместно сказать, что ограничение отдельных конституционных прав и свобод военнослужащих (свободы слова, свободы совести, права на участие в собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетировании и пр.) носит вполне справедливый и обоснованный характер, исходя из специфики задач, решаемых военнослужащими (см. рисунок 7).

При реализации права на свободу передвижения и выбор места жительства на военнослужащего возлагается обязанность по определению места своего временного или постоянного пребывания (проживания), учитывая необходимость поддержания боевой готовности воинских частей и обеспечения своевременного прибытия к месту военной службы.

Право на свободу слова военнослужащего ограничивается его невозможностью «разглашать государственную и военную тайну, обсуждать и критиковать приказы командира».

Совершение религиозных обрядов военнослужащим предполагается только «в свободное от военной службы время», притом, что он «не вправе отказываться от исполнения обязанностей военной службы по мотивам отношения к религии и использовать свои служебные полномочия для пропаганды того или иного отношения к религии».

Право военнослужащего участвовать в собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетировании ограничивается требованием его реализации лишь «в свободное от военной службы время» за пределами территории воинской части и без оружия.

Рисунок 7 – Примеры ограничений прав и свобод военнослужащих [составлен автором с использованием ст.ст. 6, 7 и 8 ФЗ «О статусе военнослужащих»]

Содержимое схемы, приведенной на рисунке 7, свидетельствует о том, что лица, имеющие статус военнослужащего, вправе реализовывать многие права и свободы лишь в свободное время, которое не связано с исполнением военнослужащими своих служебных обязанностей, и преимущественно в месте, которое обеспечивает их возможность оперативно (по первому приказу) прибыть в расположение воинской части. Эти требования ограничительного характера призваны устранять препятствия для максимально полного исполнения военнослужащими своего воинского долга.

Помимо этого, следует учитывать, что наличие у военнослужащих особого правового статуса допускает не только законное введение ограничений их прав и свобод, гарантированных Конституцией РФ и отраслевыми нормативно-правовыми актами, но и запрет реализации некоторых прав и свобод.

Конституционное право «свободно пользоваться своими способностями и имуществом для занятия предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельностью» (ч. 1 ст. 34 Конституции РФ), ограничивается в отношении военнослужащих запретом лично и через представителей осуществлять оплачиваемую деятельность, помимо педагогической, научной и иной творческой деятельности. Названные виды деятельности также возможны не всегда, а лишь когда такая деятельность не препятствует исполнению служебных обязанностей (абз. 2 ч. 7 ст. 10 ФЗ «О статусе военнослужащих»).

Право военнослужащих на занятие предпринимательской деятельностью может ограничиваться, вплоть до его полного запрета, призвано повысить эффективность прохождения гражданами военной службы, относящейся к особому роду федеральной государственной службы, пресекать коррупционные правонарушения в работе военнослужащих, в том числе различные злоупотребления своим служебным положением [93, с. 112]. Как разъяснено Конституционным Судом РФ, «нахождение предпринимательской деятельности под запретом обусловлено ее несовместимостью с выполнением публичных

обязанностей; предъявление таких особых требований к военнослужащим согласуется с принципами организации и функционирования государственной службы и устанавливается в отношении всех государственных служащих» [63].

К числу запретов антикоррупционной направленности также можно отнести невозможность участия военнослужащих в предпринимательской деятельности посредством создания (учреждения) юридических лиц – коммерческих организаций и управления таковой. Недоступной для них является и регистрация в качестве индивидуального предпринимателя [46, с. 6]. Однако только борьбой с коррупцией названный запрет не ограничивается. Можно допустить, что в рассматриваемом случае речь идет об обеспечении стабильности гражданского оборота в целом. Один из ключевых принципов договорного права – это надлежащее исполнение сторонами договора взятых на себя обязательств. Предполагается, что обязательство будет исполнено в надлежащее время, в надлежащем месте и надлежащим способом, а зачастую – и надлежащим лицом. Особенности несения военной службы могут ставить под сомнение возможность того, что обязательство будет надлежаще исполнено военнослужащим, т.к. высока вероятность его передислокации, ранения и, к сожалению, гибели.

В.М. Корякин приходит к следующим обоснованным выводам, также касающимся изучаемого запрета: «Участие военнослужащего – «потенциального» предпринимателя в вооруженном конфликте может не только исключить (надлежащее) исполнение обязательства, вытекающего из договора, но и привести к невозможности применения к нему мер гражданско-правовой ответственности за такое нарушение ввиду того, что вооруженный (военный) конфликт может быть оценен в качестве обстоятельства непреодолимой силы, влекущего освобождение участника договорных отношений от ответственности за неисполнение обязательств по договору и приостановление течения срока исковой давности (ч. 1 ст. 202, ч. 3 ст. 401 ГК РФ)» [47, с. 20]. В свою очередь, Г.Е. Слепко не сомневается, что «описанный вероятный случай «безнаказанного» неисполнения или ненадлежащего исполнения договорных

обязательств не соответствует основам гражданского оборота товаров, работ и услуг, влечет его нестабильность, что, в конечном счете, наносит ущерб самим субъектам предпринимательской деятельности (включая контрагентов ненадлежащей стороны), а также государству, не получающему соответствующих сумм налогов и иных платежей» [93, с. 114].

Данная аргументация во многом подтверждает, что запрет ведения предпринимательства лицами, имеющими статус военнослужащих, введен не только с целью обеспечения обороноспособности государства, но и с целью обеспечения стабильности его экономики. Также этот запрет отвечает интересам защиты прав представителей бизнеса и потребителей.

В рамках настоящего исследования отдельное внимание следует уделить новым ограничениям и запретам для реализации прав и свобод военнослужащих, которые были введены в ФЗ «О статусе военнослужащих» Федеральным законом от 6 марта 2019 г. [107]. Соответствующие изменения вступили в силу 17 марта 2019 г. и затронули область свободы слова в части распространения информации о деятельности Вооруженных Сил РФ, а также использования индивидуальных средств связи. Ю.Н. Туганов, изучая данные нововведения, говорит о том, что их следует оценивать в качестве своевременных и позитивных. По мнению ученого, «из-за активного развития информационных технологий защита информации ограниченного доступа в Вооруженных Силах РФ становится особенно важной задачей, в том числе потому, что информация, размещенная военнослужащими в СМИ или Интернете, может применяться для оказания информационного и информационно-психологического воздействия, а также в отдельных случаях для формирования предвзятой оценки государственной политики РФ» [102, с. 15]. При этом Ю.Г. Федотова предполагает, что ограничения, установленные Федеральным законом от 6 марта 2019 г. № 19-ФЗ призваны также способствовать обеспечению личной безопасности военнослужащих [119, с. 48].

Так, рассматривая предусмотренные Федеральным законом от 6 марта 2019 г. № 19-ФЗ требования, следует начать со ст. 7 ФЗ «О статусе военнослужащих», дополненной ч. 1.1, согласно которой военнослужащие и

граждане, призванные на военные сборы, не вправе предоставлять СМИ либо распространять и/или предоставлять с использованием сети Интернет различную информацию, виды которой перечислены на рисунке 8.

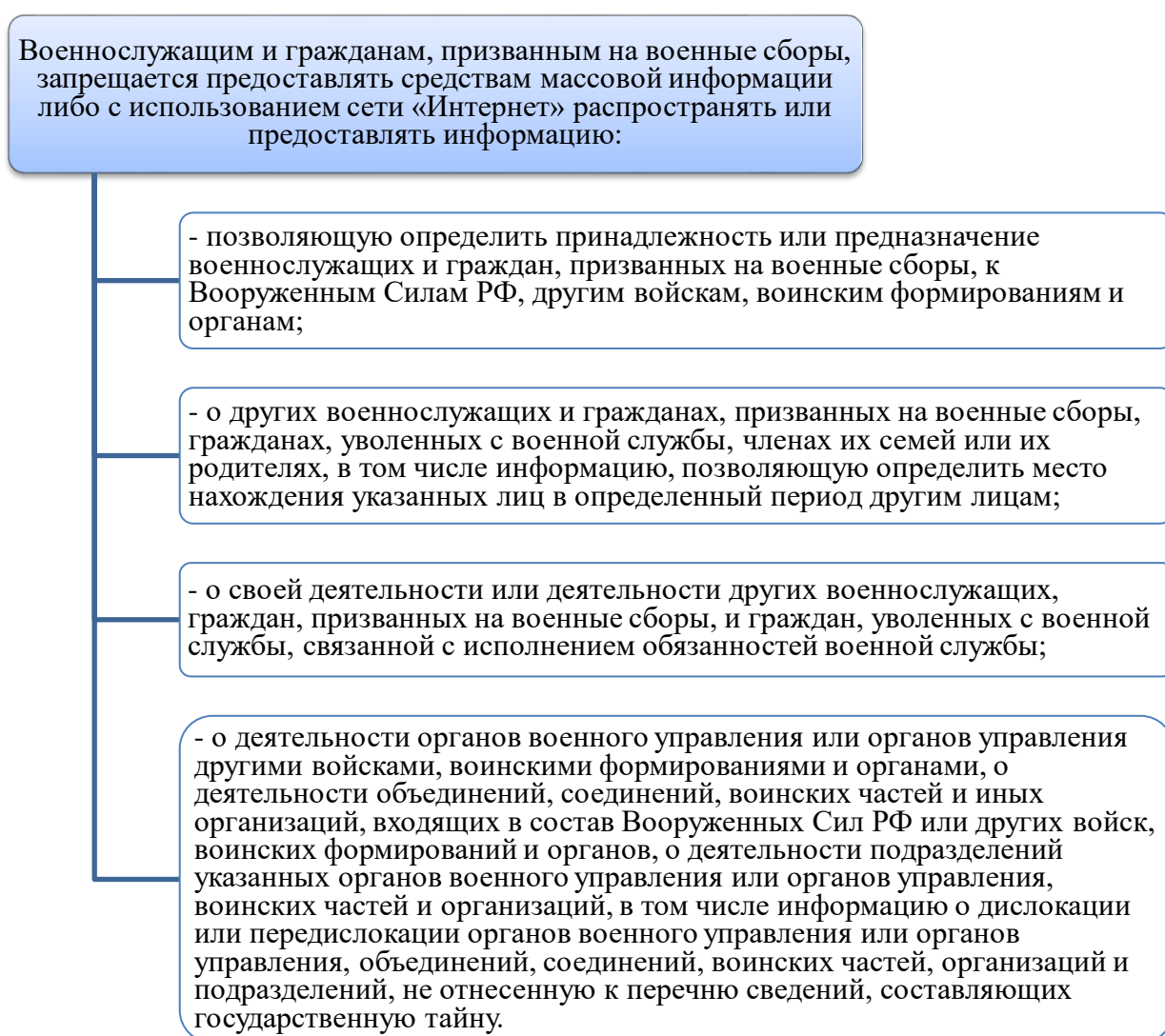

Рисунок 8 – Виды информации, которую военнослужащие не вправе распространять [составлено автором]

При этом на рисунке 9 описаны случаи, когда действие ч. 1.1 ст. 7 ФЗ «О статусе военнослужащих» исключается.

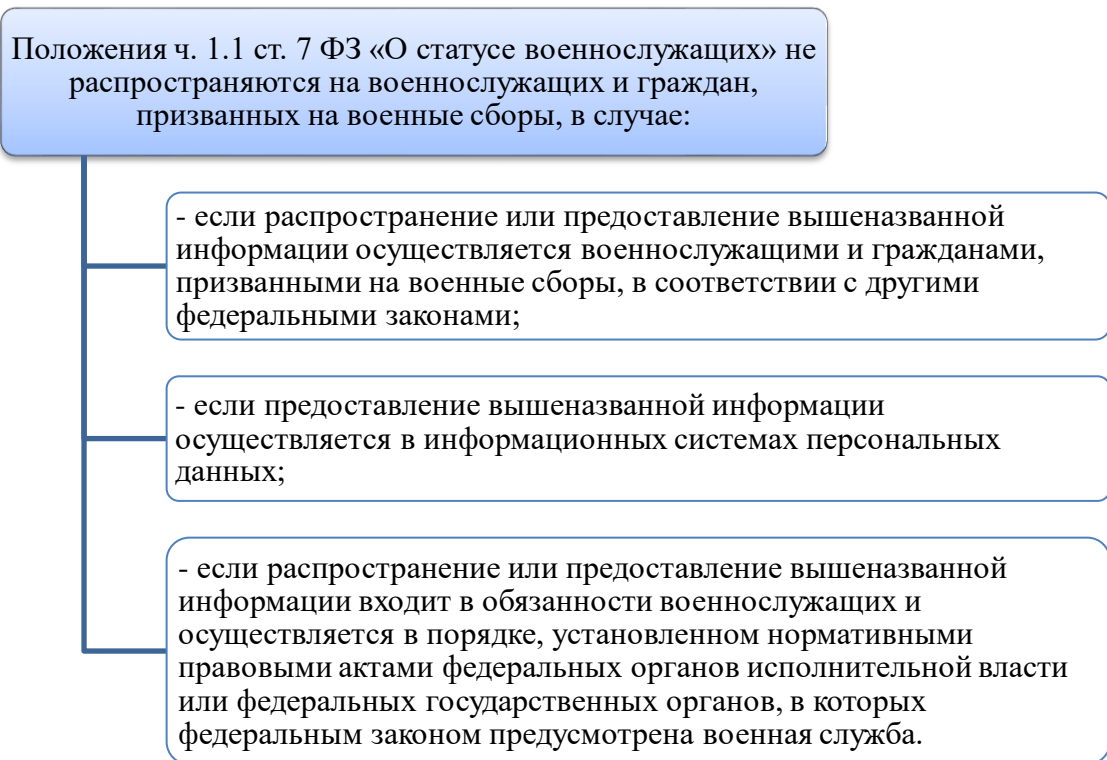

Рисунок 9 – Случаи неприменения ч. 1.1 ст. 7 ФЗ «О статусе военнослужащих»
[составлено автором]

Еще одно новое требование, введенное Федеральным законом от 6 марта 2019 г. № 19-ФЗ, содержится теперь в ч. 1.3 ст. 7 ФЗ «О статусе военнослужащих». В соответствии с ней, при исполнении обязанностей военной службы, закрепленных в п.п. «а», «в», «г», «е», «к», «о» и «п» ч. 1 ст. 37 ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», «военнослужащим и гражданам, призванным на военные сборы, нельзя иметь при себе электронные изделия, в которых могут храниться или которые позволяют с использованием сети Интернет распространять либо предоставлять аудио-, фото-, видеоматериалы и данные геолокации».

А.В. Давыдов и Т.Р. Гиматдинов считают, что «один из наиболее «чувствительных» для военнослужащих случаев реализации запрета на использование соответствующих электронных изделий предусмотрен в п. «е» ч. 1 ст. 37 ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», говорящий о нахождении на территории воинской части в течение установленного распорядком дня служебного времени или в другое время» [27, с. 18]. Каким бы ни было желание взять с собой в часть мобильный телефон, с марта 2019 г. это

расценивается как грубый дисциплинарный проступок. Соответствие данного положения ч. 1.3 ст. 7 ФЗ «О статусе военнослужащих» Конституции РФ было подтверждено 20 июля 2021 г.

Конституционный Суд РФ установил, что «запрет, содержащийся в ч. 1.3 ст. 7 ФЗ, обусловлен необходимостью обеспечить надлежащую защиту интересов службы. ... Он не может рассматриваться в качестве нарушающего конституционные права военнослужащих» [64].

Итак, проведенный анализ основных ограничений, накладываемых на военнослужащих в Российской Федерации, свидетельствует о том, что такие ограничения являются законными и обоснованными. Они напрямую происходят из специального правового статуса военнослужащих и составляют его неотъемлемую часть.

2.3 Актуальные вопросы содержания некоторых ограничений прав и свобод военнослужащих в Российской Федерации

Для эффективного функционирования Вооруженных Сил РФ необходимо не только требуемое финансовое, организационное, кадровое и иное обеспечение (которое в любом случае крайне значимо), но и высокое качество нормативно-правовой базы, регламентирующей порядок прохождения военной службы. Основным вопросом является правовой статус военнослужащих, четкая правовая регламентация его составных элементов, включая ограничения прав и свобод, которые провозглашены Конституцией РФ высшей ценностью. Проблема в этом плане заключается в том, что ФЗ «О статусе военнослужащих», вводя многие ограничения, делает отсылки к другим федеральным законам и иным правовым актам. В юридической литературе распространена точка зрения, согласно которой «Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» относится к числу рамочных документов, в котором установлены лишь базовые составляющие правового статуса военнослужащих. В нем отсутствует четкое описание механизма реализации образующих этот

статус прав, свобод и законных интересов. Для восполнения соответствующих пробелов в основном принимаются подзаконные нормативные акты» [18, с. 40].

В результате для установления содержания конкретных ограничений прав и свобод военнослужащих в РФ необходимо обращение не только к ФЗ «О статусе военнослужащих», но и целому ряду других официальных документов. Так, в последнее время достаточно обсуждаемой темой в научной среде стало право военнослужащих на образование, реализация которого обеспечивается сразу несколькими актами, не всегда согласующихся с ФЗ «О статусе военнослужащих», друг с другом и иными нормативно-правовыми актами.

Конституция РФ (ст. 43) закрепляет право на образование как одно из важнейших социально-культурных прав, способствующих удовлетворению духовных потребностей граждан, так как это предусмотрено во Всеобщей декларации прав человека. В литературе совершенно справедливо право на образование характеризуется в качестве «права, предоставляющего возможности» [8, с. 25-26], возможности на будущее время. Реализация названного права дает человеку возможности планировать и контролировать свою жизнь, равно как и пользоваться преимуществами других прав.

Во исполнение Конституции РФ принят Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [114], который на сегодняшний день является базовым нормативно-правовым актом, позволяющим практически реализовывать гарантированное право на образование. В соответствии со ст. 2 названного Закона, «образование представляет собой общественно значимое благо, осуществляемое в интересах человека, семьи, общества и государства...».

Приведенные законоположения позволяют А.Я. Неверову констатировать, что, с одной стороны, право на образование относится к общедоступным правам, реализация которого обеспечивается государством. Общедоступность права на образование означает возможность его получения всем и каждым, без учета пола, возраста, профессии, социального положения, политических убеждений, религиозных взглядов и т.п. С другой стороны, несмотря на то, что

военнослужащие, как и остальные граждане РФ, могут реализовать свое право на образование путем поступления не только в военные вузы, но и в иные образовательные организации, практическая реализация такого права имеет свои особенности [60, с. 42].

В первую очередь, следует учитывать отнесение военнослужащего к конкретной категории. Военнослужащие, которые проходят военную службу по призыву, не вправе обучаться в гражданских вузах. Что касается военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, то в этой части необходимо обратить внимание на произошедшие изменения, связанные с вступлением в силу Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». В частности, довольно значимым нововведением стало содержание абз. 1 ч. 2 ст. 19 ФЗ «О статусе военнослужащих». Согласно уточненной редакции данной нормы, «офицеры, проходящие военную службу по контракту, имеют право в порядке, определяемом Правительством РФ, на обучение в гражданских профессиональных образовательных организациях или гражданских образовательных организациях высшего образования и на подготовительных отделениях таких образовательных организаций высшего образования с освоением образовательных программ по очно-заочной или заочной форме обучения». Стоит подчеркнуть, что ранее офицеры, проходящие военную службу по контракту, имели право на обучение в гражданских образовательных учреждениях высшего и среднего профессионального образования.

Как следует из анализируемой нормы ФЗ «О статусе военнослужащих», устанавливать порядок предоставления права на образование офицерам, которые проходят военную службу по контракту, вправе Правительство РФ. В целях реализации указанного полномочия, Правительством РФ утверждено Постановление от 3 ноября 2014 г. № 1156, которым были введены в действие Правила реализации права офицеров, проходящих военную службу по контракту, на обучение [85] (далее – Правила от 3 ноября 2014 г. № 1156).

С учетом особого правового статуса военнослужащего вообще, и офицера в частности, предполагающего, что они должны находиться в состоянии постоянной готовности исполнять свои служебные обязанности, а также руководствоваться специальным регламентом служебного времени и времени для отдыха, и с учетом невозможности прохождения обучения только в дистанционной форме, определенные вопросы возникают при проведении аттестация по итогам определенных периодов обучения, относящейся к числу обязательных элементов процесса усвоения знаний и умений.

В Правилах от 3 ноября 2014 г. № 1156 аттестация именуется необходимым условием для реализации права военнослужащего на образование, для ее прохождения обучающемуся-военнослужащему должен предоставляться учебный отпуск. Но именно в части регламентации оснований предоставления офицеру учебного отпуска Постановление от 3 ноября 2014 г. № 1156 вводит не имеющее законодательной основы ограничение безусловного и всеобщего конституционного права на образование. Одна из норм Правил от 3 ноября 2014 г. № 1156 (п. 3) предусматривает, что «учебные отпуска предоставляются офицерам только при первичном получении образования соответствующего уровня».

А.Я. Неверов настаивает на том, что «ошибочное толкование процитированного положения Постановления Правительства РФ от 3 ноября 2014 г. № 1156, к сожалению, нередко становится причиной для отказа в предоставлении учебного отпуска офицерам, обучающимся по заочной форме в «гражданских» образовательных организациях высшего образования» [60, с. 43].

Буквальное толкование п. 3 Правил от 3 ноября 2014 г. № 1156, действительно, может привести к формированию неверного представления о том, что офицер, уже имеющий высшее образование, полученное в высшем военном образовательном учреждении (допустим, уровня «специалитет»), не вправе претендовать на получение учебного отпуска при обучении в гражданском вузе по уровню подготовки «бакалавриат». Однако при более подробном изучении названного пункта, причем, в совокупности с другими

нормативно-правовыми актами, регламентирующими право военнослужащих на образование, вывод будет иным.

В.М. Корякин, анализируя данный вопрос в одной из своих статей, для удобства восприятия материала сформировал таблицу, в которой перечисляются случаи, когда офицеру, обучающемуся в гражданской образовательной организации, положены социальные гарантии в виде предоставления учебного отпуска, и в которых они не положены [48, с. 21-29]. На ее основе данный специалист заключает, что офицер, обладающий первым высшим образованием, полученным либо в военном, либо в гражданском высшем учебном заведении, имеет право на получение второго высшего образования, но лишь при условии, если оно относится к аналогичному уровню или к более высокому уровню [48, с. 25].

В свою очередь, А.Я. Неверов считает, что «в таблице В.М. Корякина, не учитывается, какое именно образование получал будущий офицер, обучаясь в военном образовательном учреждении: гражданское или специальное военное» [60, с. 44]. А ведь именно на этом изначально акцентирует внимание В.М. Корякин, когда приводит норму, закрепленную в абз. 5 п. 5 ст. 19 ФЗ «О статусе военнослужащих»: «Обучение граждан, окончивших военные профессиональные образовательные организации и военные образовательные организации высшего образования и не имеющих гражданского среднего профессионального образования или высшего образования, в гражданских профессиональных образовательных организациях или образовательных организациях высшего образования не рассматривается как получение ими второго или последующего среднего профессионального образования или высшего образования». В результате, В.М. Корякин полагает, что «ключевым фактором, в силу приоритета федерального закона перед подзаконным актом, является не уровень образования, а получение военнослужащим (в рассматриваемом случае – офицером, – прим. авт.), окончившем высшее военное образовательное учреждение, гражданской специальности».

Позиция А.Я. Неверова в этом плане видится более обоснованной. Он считает, что «правовые препятствия для получения офицером дополнительных профессиональных знаний посредством обучения в гражданских образовательных организациях невоенного профиля и соответственно предоставления офицеру, уже имеющему высшее образование, полученное в военном образовательном учреждении, учебного отпуска для прохождения очередной сессии при получении высшего (гражданского) образования или образования иного уровня у командования отсутствуют» [60, с. 44]. Следовательно, п. 3 Правил от 3 ноября 2014 г. № 1156 ограничивает право военнослужащего на получение образования. Этот пункт прямо противоречит и Конституции РФ, и Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации», не предъявляющим каких-либо специальных требований к количеству образований, которые может получить человек в течение жизни. Нет на указанный счет и конкретных ограничений в ФЗ «О статусе военнослужащих», уполномочивающим Правительство РФ определять правила осуществления права военнослужащего на образование.

Кроме того, представляется, что стремление военнослужащего получать образование, современный уровень новых знаний не должно иметь препятствий, наоборот, оно должно приветствоваться командованием. Как точно замечает А.Я. Неверов, высшие военные образовательные учреждения преимущественно позволяют получать специфическое образование по военной специальности. Поступление офицера в гражданское учебное заведение, даже для получения образования уровня подготовки – бакалавриат, направлено на приобретение им дополнительных профессиональных компетенций, которые могут позволить военнослужащему гораздо более качественно исполнять свои служебные обязанности. Также следует учитывать, что получение второго высшего образования – это чаще всего платная услуга. В таком случае офицер, сознательно, используя собственные средства, стремиться повышать свой профессиональный уровень для применения полученных знаний, умений и навыков в ходе исполнения служебных обязанностей [60, с. 45].

Вслед за данным автором можно сказать, что стремление военнослужащих обучаться стоит считать позитивным, необходимым и заслуживающим поддержки. Стоит также присоединиться к точке зрения Р.А. Жабровского о том, что государством в течение длительного периода времени проводилась работа, направленная на повышение привлекательности для молодежи военной службы по контракту, в том числе путем предоставления дополнительных социальных гарантий в области образования; при этом ограниченное толкование закона становится основанием нарушения прав военнослужащих на образование, что, в конечном счете, не может не сказываться на привлекательности военной службы по контракту [30, с. 105]. Позиция, которую занимают некоторые должностные лица органов военного управления, ограничивающие в итоге военнослужащих в предоставлении льгот и гарантий, связанных с получением образования, противоречит и Конституции РФ, и Стратегии национальной безопасности РФ, в которой предусматривается. Согласно последнему документу (Стратегии), «реализуемая в Российской Федерации государственная социально-экономическая политика направлена на ... расширение возможностей для получения качественного образования». Помимо этого, одной из задач Стратегии названо: «предоставление гражданам широких возможностей для получения среднего и высшего профессионального образования, профессиональной подготовки и переподготовки на протяжении всей жизни».

В заключение проведенного анализа хочется подчеркнуть, что описанный выше пример является наглядной иллюстрацией того, что для признания некоторых ограничений прав и свобод военнослужащих правомерными или неправомерными в каждом конкретном случае необходимо изучать не только ФЗ «О статусе военнослужащих», но и целый ряд других нормативно-правовых актов. Первоочередным должно быть определение цели введения ограничения, его содержания, а, главное, установление соответствия Конституции РФ, которая допускает наложение ограничений на права и свободы личности только путем принятия федерального закона.

Глава 3 Пределы ограничения прав военнослужащих Российской Федерации: практические аспекты

3.1 Проблемы ограничения прав военнослужащих Российской Федерации

С помощью правовых средств ограничений прав и свобод в интересах обеспечения обороны и безопасности страны оказывается воздействие не только на субъективное право лица, но и на его правовой статус в целом. По утверждению Ю.Г. Федотовой, права и свободы военнослужащих могут ограничиваться путем: уменьшения меры допустимого поведения вплоть до введения запретов во времени и пространстве, по кругу лиц; введения в качестве условий реализации права сопутствующих обязанностей в виде исполнения определенных действий или претерпевания санкций; применения дополнительного контроля [119, с. 48].

Ограничения, накладываемые на военнослужащих, должны основываться на федеральном законе. Вместе с тем, на практике данное требование соблюдается не всегда. Широко известной и обсуждаемой проблемой на сегодняшний день является жилищное обеспечение военнослужащих. Н.С. Кириченко, включая институт жилищного обеспечения в состав обязательных элементов военного права, характеризует его в качестве важнейшего направления социального обеспечения военнослужащих, а также значимого стимулирующего фактора для прохождения военной службы [40, с. 43]. Вопросы, связанные с жилищным обеспечением военнослужащих, постоянно находятся в сфере внимания российских ученых – теоретиков и практиков по военному праву, что находит свое отражение в различных научных работах [42; 49; и др.]. Однако, отдельными действиями (бездействием) и решениями органы власти раз за разом ограничивают право военнослужащих на жилищное обеспечение. Только на ресурсе СПС «КонсультантПлюс» содержится информация о сотнях спорах по поводу предоставления военнослужащим жилья.

Иными словами, получается, что дополнительная социальная гарантия в виде жилищного обеспечения, предоставляемая военнослужащим в связи с ограничением их в правах и свободах (в обмен на «урезание» их общего правового статуса), также ограничивается. Следовательно, данную тему в рамках настоящего исследования следует осветить подробнее.

ФЗ «О статусе военнослужащих» устанавливает, что «государство гарантирует военнослужащим обеспечение их жилыми помещениями путем предоставления им денежных средств на приобретение или строительство жилых помещений либо предоставления им жилых помещений в порядке и на условиях, установленных указанным Федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами РФ, за счет средств федерального бюджета».

Как следует из приведенной нормы, действующее законодательство предусматривает несколько вариантов (форм) жилищного обеспечения военнослужащих. Это: получение жилищной субсидии, жилого помещения в собственность или по договору социального найма, получение денежных средств для приобретения или строительства жилого помещения за счет участия в накопительно-ипотечной системе (далее – НИС). НИС регламентируется Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 117-ФЗ «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» [109] (далее – Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 117-ФЗ).

Очевидная разница между получением жилья, в так называемой, натуральной форме, и получением денежных средств в целях его приобретения или строительства, ставит военнослужащих перед выбором той или иной формы обеспечения. При этом в ряде случаев пожелания военнослужащих не укладываются в рамки закона, не совпадают с положениями ведомственной правовой регламентации, не обеспечиваются по причине отсутствия должного уровня финансирования. Все это становится причиной судебного разрешения возникших споров, особенно, в связи с реализацией права на участие в НИС.

За прошедшее время с момента введения в 2005 г. в действие Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 117-ФЗ накопительно-ипотечная система жилищного обеспечения военнослужащих во многом зарекомендовала себя со стабильной и надежной стороны. По словам А.С. Набиева, «посредством НИС государство создало условия, при которых военнослужащим практически в самом начале их военной службы стала гарантироваться возможность приобретения жилых помещений в собственность» [58, с. 55]. Правда, в процессе практической реализации указанного Закона, сопровождающегося вовлечением в НИС все новых участников (категорий военнослужащих), стали проявляться отдельные проблемные места, связанные с соблюдением принципа равенства и эффективной реализации права военнослужащих – участников НИС на жилище.

Чтобы разобраться в нюансах НИС, стоит рассчитать экономический потенциал каждой из форм жилищного обеспечения военнослужащих. Таковой присутствует в статье Д. Гайдина, которая далее будет использована в целях настоящего анализа [17, с. 45-52].

С помощью открытых источников автор установил, что военнослужащий, ставший участником НИС в 2005 г., по состоянию на 1 января 2023 г. имеет на своем накопительном счете чуть более 6 млн. руб. Путем продолжения участия в НИС данный военнослужащий к 2026 г. сможет накопить около 8,2 млн. руб. в целях их использования для своего жилищного обеспечения. Размер ежегодного взноса государства на накопительный счет участника НИС индексируется, исходя из уровня инфляции. Если взять для сравнения молодого военнослужащего, получившего статус участника НИС в 2020 г., то к 2040 г. его накопления составят порядка 12,5 млн. руб.

Согласно Федеральному закону от 20 августа 2004 г. № 117-ФЗ участник НИС может не дожидаться возникновения у него права на использование накоплений, наступающего через 20 лет службы, а по истечении 3 лет участия в НИС взять специальный ипотечный кредит, который будет погашаться за счет ежегодного взноса государства на его специальный накопительный счет. Тот же молодой военнослужащий в возрасте 26 лет в 2023 г. вправе рассчитывать на

получение кредита в размере 5,2 млн. руб. под 8,5% на срок не менее 240 месяцев. В настоящее время банки предлагают достаточно широкий спектр ипотечных продуктов для участников НИС, однако, как показывает опыт, размер одобренного вряд ли будет превышать 6 млн. руб.

Основной недостаток НИС заключается в фиксированном размере ежемесячного взноса на накопительный счет, не берущего в учет ни состав семьи военнослужащего, ни наличие у него права на дополнительную площадь. Притом, что важным преимуществом НИС выступает участие в системе без необходимости подтверждать факт нуждаемости военнослужащего в жилом помещении, чего нельзя сказать про две другие доступные ему формы жилищного обеспечения. Получение жилищной субсидии либо жилого помещения в собственность или по договору социального найма доступно только тем военнослужащим, которые имеют статус нуждающихся в жилье [31].

Нуждающийся военнослужащий с составом семьи, к примеру, из 3 человек, решивший получить жилое помещение в собственность, по достижении 20 лет выслуги может рассчитывать на предоставление ему квартиры общей площадью от 54 до 63 кв. м в любом населенном пункте Российской Федерации по его выбору. В случае, если военнослужащий имеет право на дополнительную площадь, то размер квартиры увеличивается как минимум на 10 кв. м. На каждого нового члена семьи выделяется по 18 кв. м общей площади квартиры. Учитывая, что военнослужащий не обязан получать жилье в конкретном субъекте РФ (административно-территориальном образовании), он на законных основаниях может избрать и получить жилье в населенном пункте с самой высокой рыночной стоимостью 1 кв. м, реализовать его и на вырученные денежные средства приобрести другое жилье большей площади в ином населенном пункте. Здесь важно учитывать, что выбор места жительства доступен только единожды.

При также имеющихся позитивных моментах, рассматриваемая форма жилищного обеспечения может не соответствовать интересам военнослужащих, которые стремятся получить квартиру не для перепродажи, а в целях

постоянного проживания. К примеру, территория г. Москва не ограничивается МКАД, и военное ведомство в полном соответствии с законом может предложить военнослужащему квартиру в Троицком административном округе на границе с Калужской областью. Избирая Москву в качестве постоянного места жительства, едва ли военнослужащий рассчитывает жить в 100 км от города, и отказ от такого предложения либо превентивная смена избранного места жительства на иной город приведет к принудительному переводу военнослужащего на другую форму – жилищную субсидию. Норма ч. 19 ст. 15 ФЗ «О статусе военнослужащих», закрепляющая названную «санкцию», неоднократно вносилась на рассмотрение Конституционного Суда РФ на предмет ее соответствия Конституции РФ, вместе с тем, каждый раз безуспешно по причине ее направленности на противодействие злоупотреблениям правом [65; 66; и др.].

Размер жилищной субсидии для военнослужащего, который признан нуждающимся в жилом помещении, опять же с составом семьи в 3 человека и с выслугой в 20 лет, в первом полугодии 2023 г. равен 11,3 млн. руб. Не сложно увидеть, что в сравнении с ранее произведенными подсчетами, данная выплата практически в два раза превышает размер накоплений участника НИС с 2005 г. с такой же выслугой. Очевидная разница в пользу жилищной субсидии усиливается еще и тем, что каждый последующий год службы добавляет около 400 тыс. руб., каждый новый член семьи – примерно 1,5 млн. руб., а право на дополнительную площадь – примерно еще 880 тыс. руб. Участие в НИС таких прибавок не дает.

Исходя из приведенных расчетов и по рекомендации различных организаций, некоторые военнослужащие стали предпринимать попытки по выходу из НИС с целью последующего их признания нуждающимся в жилом помещении и получения жилищной субсидии или квартир в избранном месте жительства [14, с. 43]. Однако все они наталкивались на отказ в связи с тем, что в ч. 3 ст. 9 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 117-ФЗ такая процедура не предусмотрена.

Ситуация изменилась в 2016 г., когда Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ удовлетворила требование военнослужащего об его добровольном исключении из НИС. В Определении от 18 октября 2016 г. № 201-КГ16-39 судьи, руководствуясь предусмотренным ч. 2 ст. 1 и ч. 1 ст. 9 ГК РФ общеправовым принципом осуществления гражданами принадлежащих им прав по собственному усмотрению, указали, что заявитель принял участие в НИС по своему волеизъявлению (рапорту), при этом, в его отношении не наступили условия, согласно которым государство должно было выполнить свои обязательства. Другими словами, заявитель никак не использовал накопления для жилищного обеспечения, предоставленные ему на специальный счет как участнику НИС. Следовательно, он сохранил за собой возможность выбора иного способа реализации своих жилищных прав, предусмотренного ФЗ «О статусе военнослужащих» [67].

Несмотря на то, что судебный прецедент не является в Российской Федерации источником права, по сути, это решение стало основой для последующего формирования судебной практики по предложенному образцу. В результате на текущий момент уже насчитывается не один десяток дел, по итогам рассмотрения которых суды признавали незаконными действия командиров, связанные с отказом в исключении военнослужащих из НИС по их волеизъявлению [17, с. 51].

Н.С. Кириченко достаточно наглядно описывает складывающуюся парадоксальную ситуацию, «заложником» которой становится командование воинских частей (иных организаций, в которых предусмотрено прохождение военной службы) при обращении к ним военнослужащих с рапортами об исключении из реестра участников НИС. С одной стороны, сегодня сформирована и устоялась позиция Верховного Суда РФ по рассматриваемой категории дел, благодаря которой исход этих дел в пользу военнослужащих является очевидным. Но, с другой стороны, наличие законодательного пробела в виде отсутствия Федеральном законе от 20 августа 2004 г. № 117-ФЗ такого основания на исключение из реестра, как желание военнослужащего, лишает

командира возможности принятия иного решения, кроме отказа в направлении документов. Получается, что командир воинской части, принимая решение, основанное на законе, об отказе военнослужащему (из числа добровольной категории) в направлении в уполномоченный орган документов на исключение из реестра участников НИС, заранее понимает, что, исходя из судебной практики, оно будет признано незаконным. Притом, что нередко на воинскую часть возлагается обязанность по возмещению военнослужащему, обратившемуся в суд, понесенных им судебных расходов. А принимать командиру решение, руководствуясь только разъяснениями судов, в данном случае крайне затруднительно, если вообще возможно. Налицо замкнутый круг [40, с. 46].

Представляется, что выходом из описанной ситуации может стать приведение в соответствие с уже сложившейся практикой судов положений ч. 3 ст. 9 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 117-ФЗ, внеся в нее новое основание исключения из реестра НИС в виде наличия соответствующего волеизъявления военнослужащего. Одновременно с этим следует учитывать, что выход из НИС еще не означает, что военнослужащий будет обеспечен жильем в иной форме. Для этого ему необходимо пройти процедуру получения статуса, нуждающегося в жилом помещении. Встав в очередь на получение жилья, военнослужащий вправе выбрать между получением жилищной субсидии и получением жилого помещения в собственность или по договору социального найма.

Согласно сведениям С.А. Нидера, озвученным в 2020 г., к 1 января 2022 г. количество военнослужащих, изъявивших желание получить жилищную субсидию, увеличится и достигнет свыше 37 тыс. человек [61, с. 29]. Учитывая, что в связи с проведением специальной военной операции на Украине, перечень лиц, претендующих на получение жилья вне очереди, еще более расширился, а государством запланировано обеспечить в течение 2023 г. жильем около 2 тыс. военнослужащих [43], не вызывает сомнений возможное усугубление проблемы. На этом фоне еще большую актуальность приобретает позиция Комитета

Государственной Думы по обороне, в соответствии с которой «имеющееся недофинансирование ведет к ежегодному нарастающему увеличению роста очереди на обеспечение жильем и увеличению срока реализации военнослужащими своих жилищных прав и, как следствие, к росту социальной напряженности» [61, с. 29].

В целом, исследование, проведенное выше, заключает, что «любое законодательное ограничение жилищных прав военнослужащих должно быть не произвольным, а обоснованным, опираться на определенные социальные позитивные причины, объективные обстоятельства, доказывающие необходимость подобных ограничений, применяемых именно в социально значимых целях, причем с учетом приоритета прав и свобод человека» [13, с. 38]. Между тем, не всегда законодатель и правоприменители становятся источником появления необоснованных ограничений. Сами военнослужащие по незнанию закона или по другим субъективным причинам своими действиями могут приводить к тому, что гарантированные им права и свободы, в том числе право на жилищное обеспечение, будут ограничены. Следовательно, крайне важной задачей становится ведение разъяснительной работы о правовых последствиях принимаемых военнослужащими решений.

3.2 Пути совершенствования выявленных проблем

Провозглашение Российской Федерации демократическим правовым социальным государством неотделимо от повышенного внимания самого государства к реализации прав и свобод граждан Российской Федерации, в том числе военнослужащих. На сегодняшний день им отводится особое место в системе правовой и социальной защиты. Военнослужащие, будучи представителями публичной власти, наделены особым правовым статусом, предполагающим возложение дополнительных обязанностей и ограничений.

Как уже было установлено ранее по тексту, «специальный правовой статус военнослужащих, с одной стороны, обуславливается особым характером

осуществляемой ими деятельности в публичных интересах и выполнением конституционно значимых функций, а с другой стороны, предопределяет особое содержание и характер обязанностей государства по отношению к ним» [126, с. 13].

Одной из приоритетных задач, стоящих перед государством, является выработка основ государственной политики в области правовой и социальной защиты военнослужащих, включающей в себя развитие системы реализации прав и свобод военнослужащих. Наряду с этим следует подчеркнуть, что, как и многие другие сферы правового регулирования, институт защиты военнослужащих все еще остается несовершенным.

Проведение специальной военной операции, и ее рамках – частичной мобилизации военнообязанных лиц, выявили немалое число проблем в системе военного управления РФ. Помимо этого, появились новые вопросы, требующие своего решения. Так, в современной Российской армии довольно широкое распространение получило использование добровольческих, нештатных, смешанных воинских формирований. Их правовое положение и правовое положение их участников не в полной мере регламентировано законодательством. Отсутствует ясность в правовом статусе бойцов ЧВК «Вагнер».

В итоге, несмотря на то, что в последние годы государством прилагаются большие усилия по улучшению правового положения военнослужащих, практическая реализация их прав сталкивается с определенными сложностями. Во многом проявляются и несовершенство действующего законодательства, и его неверное понимание, и применение, как органами власти, так и военнослужащими. Негативной тенденцией уже стало формирование определенной категории судебных споров с участием военнослужащих и лиц, уволенных с военной службы. Согласно количественному и качественному составу среди судебных обращений военнослужащих преобладают (80-90% дел) вопросы защиты их материальных прав, остальная часть приходится на досрочное увольнение с военной службы.

Некоторыми экспертами даже готовятся и публикуются соответствующие обзоры судебной практики [121, с. 31-50; 122, с. 61-75; и др.], которые призваны помогать военнослужащим эффективно отстаивать свои права и законные интересы, в том числе в случаях неправомерного ограничения их прав и свобод. Большое содействие в этом плане оказывают и органы Военной прокуратуры РФ. По словам А.В. Павловой, обращение военнослужащих не в суды, а к прокурорам становится должным способом их защиты: «органы военной прокуратуры действуют независимо от командования, органов военного управления и местных органов власти; тем самым, гарантируется объективное рассмотрение сути обращения» [69, с. 17].

Правда, следует учитывать, что всех защитных механизмов зачастую становится недостаточно. Высшими судебными инстанциями регулярно обращается внимание на необходимость обеспечения общности правового статуса лиц, проходящих военную службу. Но это пока не приводит к снижению остроты вопроса о предоставлении единообразных гарантий военнослужащим, что в очередной раз подметил Конституционный Суд РФ 22 марта 2019 г. [77].

В такой ситуации в научной и экспертной среде все чаще говорится о позитивном потенциале реализации такой инициативы, как введение должности Уполномоченного по правам военнослужащих.

Данную идею еще в 2005 г. озвучивал В.Н. Старцун. Опираясь на опыт Германии, где «функционирует уполномоченный бундестага по бундесверу, избираемый сроком на 5 лет и следящий за соблюдением конституционных прав солдат, специалист предлагал «в том или ином виде учредить в России Институт уполномоченного по правам военнослужащих». В.Н. Старцун обосновал свою точку зрения «переходным характером процессов, происходящих в российском обществе, имеющейся сложностью военной инфраструктуры и несовершенством правовой базы военной службы, что в совокупности требует особого контроля за соблюдением гражданских прав российских военных» [95].

В свою очередь, Е.А. Назарова следующим образом охарактеризовала необходимость формирования специализированного института

Уполномоченного по правам военнослужащих лиц, уволенных с военной службы, и членов их семей: «Специфика военно-административных отношений военнослужащих, разнородности их прав, составляющих потенциальный объект защиты, а, следовательно, и специфика нарушений в данной области, равно, как и особенностей правового статуса лица, нарушающего право, и субъекта, чье право нарушено, обуславливает потребность в создании специальных правозащитных органов» [59].

На данный момент Ю.Г. Федотова активно поддерживает существование правозащитного института в виде Уполномоченного по правам граждан, участвующих в обеспечении обороны и безопасности Российской Федерации. В нескольких своих работах она последовательно озвучивает мысль, согласно которой в России традиционную актуальность сохраняют проблемы защиты жилищных прав военнослужащих, прохождения военной службы и увольнения с нее, а также реализации иных прав военнослужащих. О необходимости взаимодействия всех государственных органов для повышения эффективности правового статуса военнослужащих говорят многие исследователи. Тем не менее, в сфере защиты прав и законных интересов военнослужащих такое взаимодействие является недостаточным или даже отсутствует. На основании этого автор резюмирует, что «в связи с дисбалансом правового регулирования средств административно-правовой защиты прав и законных интересов граждан, участвующих в обеспечении обороны и безопасности РФ, крайне целесообразно учреждение должности Уполномоченного по правам граждан, участвующих в обеспечении обороны и безопасности РФ, находящегося вне военной организации государства, но наделяемого публичными полномочиями для отстаивания прав и законных интересов таких лиц публично, гласно, профессионально, открыто» [118, с. 29-30].

Нельзя не отметить, что такие призывы ученых-правоведов, в том числе тех, которые специализируется на военном праве, были услышаны законодателем. 12 октября 2022 г. на рассмотрение Государственной Думы ФС РФ был внесен Законопроект № 211189-8, предусматривающий создание

института уполномоченных по защите прав военнообязанных и военнослужащих в Российской Федерации [88]. На текущий момент документ проходит стадию первого чтения.

Появление должности военного омбудсмана должно привести к повышению эффективности защиты прав и законных интересов военнослужащих и военнообязанных. В частности, предполагается, что такой уполномоченный будет собирать необходимые документы и сведения от имени военных, направлять в государственные органы предложения, посещать суды и т.д. При этом его деятельность не должна стать причиной отмены или пересмотра полномочий государственных органов, обеспечивающих защиту и восстановление нарушенных прав военнослужащих и военнообязанных. По мнению авторов инициативы, Уполномоченный – это дополнительный правозащитный механизм, столь необходимый сегодня, в условиях проведения специальной военной операции и частичной мобилизации, выявившей многие проблемные места в рассматриваемой сфере.

Можно высказать мысль о важности итогового принятия названного проекта Федерального закона. На сегодняшний день видятся актуальными обсуждение и реализация инициатив, направленных на создание оптимального организационно-правового обеспечения военной службы, включая те, которые были озвучены автором по ходу настоящего исследования.

Заключение

По результатам проведения комплексного исследования правовой природы, содержания, закономерностей регулирования ограничений прав как составного элемента правового статуса военнослужащих автор смог прийти к следующим выводам:

В Российской Федерации человек, его права и свободы – это высшая ценность, в свою очередь, признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – это основная обязанность государства.

Права и свободы человека и гражданина, которые поименованы в Конституции РФ и гарантированные ею, характеризуются полнотой, неотъемлемостью и недопустимостью их ограничения. Непосредственно в Основном законе страны провозглашается, что «в Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина» (ч. 2 ст. 55). Также в нем устанавливается, что «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только федеральным законом и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» (ч. 3 ст. 55).

Отдельную категорию прав и свобод человека образуют абсолютные права и свободы, которые не подлежат ограничению ни при каких обстоятельствах и ни по одному из критериев, даже в условиях введения особых административных режимов, в первую очередь, чрезвычайного и военного положения.

Даже такая группа прав и свобод, как относительные права и свободы, может ограничиваться только в исключительных случаях. Признание какого-либо ограничения (вмешательства государства) допустимым и правомерным всегда будет иметь экстраординарный характер, поскольку согласно современному пониманию этого правового явления в качестве недопустимых и

неправомерных будут рассматриваться все иные случаи вторжения власти в права и свободы частных лиц.

В этом плане Конституция РФ соответствует многим международным актам, в том числе основополагающим конвенциям о правах человека, в которых в ранг основного принципа возведено признание человека высшей ценностью, реализуемого через идею автономии и универсальности его прав и свобод. Факт фиксации на уровне международного права пределов ограничений прав и свобод человека следует квалифицировать в качестве условия для полноценного функционирования современных государств.

Однако, как было установлено, ни в одном основополагающем документе, посвященном правовому статусу личности, не раскрывается категория «ограничения прав и свобод человека и гражданина». В результате какого-либо единства нет и в научной среде. По мнению автора, в качестве «ограничения конституционных прав и свобод человека» следует рассматривать «результат решений и действий уполномоченных на то должностных лиц государственных органов, направленных на фактическое сужение пределов реализации конституционных прав и свобод, объема их использования, которые должны отвечать требованиям законности, обоснованности, соразмерности и позволять сохранять сущностное содержание конкретных ограничиваемых прав и свобод». Ограничения прав и свобод могут оправдываться только публичными целями, которых нельзя достичь иным путем.

Возведение человека в ранг наивысшей ценности обуславливает наличие в Конституции РФ специальных положений о том, что законодатель и правоприменители не вправе отменить либо умалять ранее предоставленные человеку и гражданину права и свободы, принимать меры, приводящие к утрате реального содержания этих прав и свобод. В каждой конкретной ситуации следует руководствоваться правилом, установленным в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, о введении любых ограничений прав и свобод личности исключительно на основе федерального закона, в целях достижения конституционно значимых (публичных) целей, которым эти ограничения будут соразмерны.

С целью недопущения принятия неправомерных действий и решений публичной власти, ограничивающих права и свободы человека, их выявления и устранения, разработана такая категория, как соразмерность (пропорциональность). Он состоит из трех взаимосвязанных элементов: общественной цели, средств ее достижения и масштаба основания, на которое накладываются ограничения. Основная цель принципа пропорциональности состоит в том, чтобы дать нам возможность четко определить, являются ли ограничения прав и свобод человека законными или незаконными.

Серьезным испытанием на прочность механизма ограничения прав и свобод человека стала пандемия, захватившая весь мир в 2020 г. и унесшая жизни миллионов человек. Правительства разных стран пересмотрели концепцию либерализма, стремясь быстро и эффективно бороться с распространением болезни, отдавая приоритет правам и свободам личности, в интересах общества. Всего за два года основными правами и свободами, объем которых был видоизменен в связи с пандемией, стали: свобода слова; свобода собраний и свободы передвижений; право на тайну личной жизни и конфиденциальность информации; право на труд; и др.

Руководство Российской Федерации, отказавшись от объявления режима чрезвычайного положения, который на начало 2020 г. был предусмотрен законодательством, достаточно оперативно разработало и ввело в действие абсолютно новый правовой режим – «повышенная готовность». Именно он позволял закрывать границы, объявлять карантинные меры и локдауны, требовать соблюдения масочного режима и т.д. Причем, соответствующая реакция федерального законодателя появилась после того, как в большинстве субъектов РФ начали действовать различные ограничения.

Вместе с тем, на текущий момент признано, что все нормативно-правовые акты, направленные на распространение новой коронавирусной инфекции в рамках режима повышенной готовности, соответствовали конституционным целям охраны жизни и здоровья граждан, были соразмерными угрозе, носили

исключительно временный характер, регулярно пересматривались, и в целом не противоречили мировому опыту.

Признавая важность принятых мер, автор озвучивает мысль, согласно которой в изучаемый период нормативно-правовая основа профилактических мероприятий все же должна была развиваться в сторону специализации законодательства о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения. Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», выбранный в качестве первоисточника для внесения соответствующих изменений, не совсем подходил для цели противодействия опасной инфекции. При всех своих преимуществах, он в большей степени направлен на природные и техногенные катаклизмы. Борьба с пандемией вызвала реализацию защитных, в том числе ограничительных, мер совершенно иного толка.

Не дожидаясь возникновения в будущем аналогичной ситуации, когда потребуются быстрая реакция государства и его органов на опасности и угрозы (что нежелательно, но возможно), сегодня нужно на уровне федерального закона (никак не актов субъектов РФ) определить, что представляют собой карантин, самоизоляция, масочный режим, какие мероприятия при этом могут вводиться, кем, когда и в каком порядке. Этим целям во многом отвечает Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», в положениях которого прямо говорится об ограничительных мероприятиях (карантине).

Военная служба является особым видом государственной службы, имеющей непосредственную объективную связь с обеспечением обороны страны и безопасности государства, а, значит, осуществляемой в публичных интересах. Следовательно, правовой статус военнослужащих нуждается в детальной правовой регламентации. Данному вопросу посвящен Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих». Однако только его положениями определение правового статуса военнослужащих не ограничивается. Соответствующие нормы содержатся в Конституции РФ,

Трудовом кодексе РФ, Федеральном законе от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе».

На основе буквального толкования ст.ст. 1 и 2 ФЗ «О статусе военнослужащих» и иных статей данного нормативно-правового акта можно констатировать, что ключевое предназначение ФЗ «О статусе военнослужащих» заключается в четком закреплении прав, свобод, обязанностей и ответственности военнослужащих. Правда, эта цель является не единственной. Для развития правового статуса военнослужащих в ФЗ «О статусе военнослужащих» также содержатся нормы о мерах государственной политики, направленной на полноценное обеспечение правовой и социальной защиты граждан, проходящих военную службу и уволенных с нее, и членов семей военнослужащих.

«Статус военнослужащих есть совокупность прав и свобод, гарантированных государством; обязанностей и юридической ответственности военнослужащих; социальных гарантий лицам, уволенным с военной службы, и членам семей военнослужащих, установленных настоящим Федеральным законом, федеральными конституционными законами, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации».

Главной задачей военнослужащих является защита Отечества. Ее решение предполагает ограничение возможностей военнослужащих распоряжаться собой, собственным временем и силами в ущерб поставленной законом задаче. Именно, исходя из специфики полномочий, возложенных на военнослужащих вовремя прохождения военной службы, определенным ограничениям подвергается правоспособность военнослужащих как субъектов правоотношений. В то же время у государства есть дополнительные обязательства по отношению к военнослужащим (и членов их семей) по созданию более высокого уровня жизни, например, в плане жилья, социального и пенсионного обеспечения. Тем самым, компенсируется возможный негативный эффект от ограничений, налагаемых на военнослужащих (сглаживается вмешательство публичной власти в частную жизнь). Подобного рода социальные гарантии и компенсации преимущественно являются

публично-правовыми, образующими особый институт социально-правовой защиты военнослужащих.

Особенностью ограничения права и свободы военнослужащих является отсутствие привязки к наступлению каких-то внешних и временных обстоятельств. Ограничения вводятся ввиду самого наделения лица статусом военнослужащего. Однако и в этом случае любые ограничения должны устанавливаться исключительно законом, быть соразмерными охраняемому общественному интересу, основываться на принципе запрета чрезмерных ограничений прав и свобод. Как было установлено, на практике данные требования соблюдаются не всегда.

Так, изучение обеспечения права военнослужащих на образование показало, что один из основных актов, посвященных реализации данного права, – Правила, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 3 ноября 2014 г. № 1156, – противоречат Конституции РФ, а также Федеральному закону «О статусе военнослужащих» и Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации». Налицо – неправомерное ограничение конституционного права военнослужащего на образование. В такой ситуации видится необходимым исключить пункт 3 из Правил от 3 ноября 2014 г. № 1156.

Но, наверное, не будет ошибкой сказать, что наибольшее число разногласий на сегодня вызывают допускаемые на местах ограничения прав военнослужащих в жилищном обеспечении. Гарантия в виде получения от государства жилья является важнейшим инструментом в механизме социального обеспечения военнослужащих и значимым стимулирующим фактором для поступления на военную службу. Правда, отдельными решениями и действиями (бездействием) органов власти право военнослужащих на жилищное обеспечение раз за разом ущемляется. Только на ресурсе СПС «КонсультантПлюс» содержится информация о сотнях спорах по поводу не предоставления военнослужащим жилья. Получается, что дополнительная социальная гарантия в виде жилищного обеспечения, предоставляемая

военнослужащим в связи с ограничением их в правах и свободах (в обмен на «урезание» их общего правового статуса), также ограничивается.

В действующем законодательстве предусматривается несколько вариантов (форм) жилищного обеспечения военнослужащих, в их числе: получение жилищной субсидии, получение жилого помещения в собственность или по договору социального найма, получение денежных средств для приобретения или строительства жилого помещения за счет участия в накопительно-ипотечной системе. Каждая из названных форм имеет как преимущества, так и недостатки. Делая выбор в пользу одной из них, военнослужащие могут неосознанно, своими же действиями ограничивать себя в правах. В этой связи крайне важной задачей становится ведение разъяснительной работы о правовых последствиях принимаемых военнослужащими решений.

Определенный потенциал в данной сфере может иметь Уполномоченный по защите прав военнообязанных и военнослужащих в России. Соответствующий законопроект, предусматривающий учреждение такой должности, находится на рассмотрении Государственной Думы ФС РФ. Представляется, что его принятие позволит повысить правовой статус военнослужащих, эффективность обеспечения их прав и свобод, а также снизит остроту вопросов, связанных с неправомерными ограничениями прав лиц, проходящих военную службу, уволенных с нее, и членов их семей.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Абакумова Е.Б. Ограничения конституционной свободы предпринимательской деятельности в Российской Федерации // Право и экономика. 2019. № 10. С. 5-10.
2. Антипьева Н.В. К вопросу о понятии «военнослужащий» // Право в Вооруженных Силах. 2013. № 1. С. 107-111.
3. Бахин С.В. О классификации прав человека, провозглашенных в международных соглашениях // Правоведение. 1991. № 2. С. 41-51.
4. Бахрах Д.Н. Субъекты советского административного права. Свердловск: Изд-во СЮИ, 1985. 168 с.
5. Белый А.В. Понятие и значение ограничения прав и свобод человека и гражданина // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2009. Вып. 18, № 7. С. 30-33.
6. Боднарчук О.В. Медицинский пропуск и обязательная вакцинация в свете решения Европейского суда по делу «Замбрано против Франции» от 21 сентября 2021 г., жалоба № 41994/21 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2022. № 2. С. 137-141.
7. Бондаренко М.В. Факторы обеспечения законности в сфере военной службы // Военно-юридический журнал. 2014. № 2. С. 7-10.
8. Борщевский А.П., Сосна А.Б. Актуальные аспекты прав молодежи: право на образование // Вопросы ювенальной юстиции. 2012. № 1. С. 25-27.
9. Брежнев О.В. Проблема «антиковидных» правоограничений в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 2. С. 32-39.
10. Варламова Н.В. Пандемия COVID-19 как вызов конституционному правопорядку // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 6. С. 17-30.
11. Винокуров В.А. Проблемы ограничения прав и свобод человека и гражданина в России в условиях чрезвычайной ситуации, вызванной новой

коронавирусной инфекцией (COVID-19) // Теория государства и права. 2020. № 3. С. 198-211.

12. Власенко В.В. Добровольная сдача в плен (ст. 352.1 УК РФ): вопросы уголовной ответственности и освобождения от нее // Уголовное право. 2023. № 3. С. 38-45.

13. Воробьев Е.Г. Об институте субсидии для приобретения или строительства жилого помещения военнослужащими и гражданами, уволенными с военной службы // Право в Вооруженных Силах. 2014. № 8. С. 33-49.

14. Воробьев Е.Г. Экономико-правовой механизм накопительно-ипотечной системы: к вопросу об эффективности использования федеральных бюджетных средств // Право в Вооруженных Силах. 2012. № 9. С. 42-56.

15. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1995. № 67.

16. Гаджиев Г.А. Российская судебная доктрина верховенства права: двадцать лет спустя // Доктрины Правового Государства и Верховенства Права в современном мире: Сборник статей. М.: Юстицинформ, ЛУМ, 2013. С. 213-237.

17. Гайдин Д. Жилье военнослужащим. Практика // Жилищное право. 2023. № 2. С. 45-52.

18. Галагуза Р.В. Эволюция финансово-правового регулирования обязательного государственного страхования военнослужащих: СССР и новая Россия // Финансовое право. 2018. № 9. С. 40-44.

19. Глухов Е.А. Правовая оценка и исполнение военнослужащим приказа, следствием которого является причинение вреда охраняемым законом интересам // Право в Вооруженных Силах. 2022. № 4. С. 46-51.

20. Глухов Е.А., Чукин Д.С. Допустимость вмешательства командования в личную жизнь подчиненных // Право в Вооруженных Силах. 2018. № 8. С. 90-102.

21. Гойман В.И. Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву // Государство и право. 1998. № 7. С. 20-43.

22. Голованев И.В. Административно-правовые средства формирования правового порядка при реализации конституционных прав и свобод // Административное право и процесс. 2007. № 4. С. 6-9.

23. Горбачева Е. Государево дело частных военных компаний // Эксперт. 05.03.2023.

24. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2023. № 16. Ст. 2758.

25. Грищенко Т.А., Когут В.Г. Соотношение понятий «право» и «свобода» в контексте исследования механизмов ограничения конституционных прав в период пандемии // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 1. С. 3-7.

26. Давыдов А.В. Дополнительные запреты и ограничения прав и свобод военнослужащих, обусловленные военной службой в органах государственной охраны // Права и свободы человека и гражданина: актуальные проблемы науки и практики: Сборник научных статей и докладов X Международной научно-практической конференции / Под. общ. ред. П.А. Меркулова, Н.А. Щеголевой. Орел: Среднерусский институт управления - филиал РАНХиГС, 2018. С. 112-114.

27. Давыдов А.В., Гиматдинов Т.Р. О запретах и ограничениях (влияние новелл Федерального закона от 6 марта 2019 года № 19-ФЗ на правовое положение военнослужащих органов государственной охраны) // Право в Вооруженных Силах. 2019. № 8. С. 16-19.

28. Дзидзоев Р.М. Права человека и пандемия коронавируса в России // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 9. С. 33-36.

29. Еремин В.В. Концепция накопления (концентрации) общественно значимых публичных элементов в правоотношении как основание для

неарбитрабельности спора // Вестник гражданского процесса. 2021. № 3. С. 191-211.

30. Жабровский Р.А. Проблемы, возникающие при реализации военнослужащими права на образование // Право в Вооруженных Силах. 2018. № 10. С. 101-105.

31. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 24.06.2023) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 14; Российская газета. 2023. № 137.

32. Жуйков В.М. Новые проблемы прямого действия Конституции Российской Федерации и доступа к правосудию в целях защиты прав и свобод человека // Закон. 2022. № 7. С. 79-86.

33. Защита прав человека в условиях пандемии COVID-19 // Официальный сайт ООН.

34. Илесанми М.А. Пандемии и проблема ограничения прав человека // Юрист. 2018. № 8. С. 59-65.

35. Информация Конституционного Суда РФ «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19.10.2021) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

36. Информация Министерства юстиции РФ от 05.06.2020 «Минюст России завершил работу по анализу практики применения нормативных правовых актов, принятых в целях борьбы с распространением новой коронавирусной инфекции» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

37. Кабышев С.В. О парадигме конституционного права России в новых исторических реалиях // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 2. С. 2-7.

38. Калиновский К.Б. Выемка до возбуждения дела нарушает конституционный принцип соразмерности ограничения прав граждан // Уголовный процесс. 2016. № 3. С. 44-51.

39. Капранова Ю.В., Капранов А.В. Применение мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении: конституционное измерение // Административное право и процесс. 2021. № 5. С. 56-59.
40. Кириченко Н.С. Исключение военнослужащих из реестра участников накопительно-ипотечной системы обеспечения военнослужащих по собственному желанию // Право в Вооруженных Силах. 2018. № 6. С. 43-46.
41. Ковалев А.А. Международная защита прав человека: Учебное пособие. М.: Статут, 2013. 591 с.
42. Кондратенко Д.М. Инновации в решении государством задачи обеспечения жильем военнослужащих России: Дис. ... канд. экон. наук. М., 2010. 187 с.
43. Константинова О. Когда будут выплачивать субсидии военнослужащим в 2023 году // ЮрЗона. 23.01.2023.
44. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. № 144.
45. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. Серия: Антология мысли. М.: Изд-во Юрайт, 2023. 352 с.
46. Корякин В.М. Антикоррупция-2016: приоритет – усилению контроля за соблюдением антикоррупционных запретов, ограничений и исполнением дополнительных обязанностей антикоррупционного характера // Право в Вооруженных Силах. 2017. № 1. С. 4-9.
47. Корякин В.М. Вооруженный конфликт как обстоятельство непреодолимой силы в гражданско-правовых отношениях // Военно-юридический журнал. 2015. № 1. С. 17-23.
48. Корякин В.М. О праве военнослужащих на получение образования в гражданских образовательных учреждениях (комментарий к Постановлениям Правительства Российской Федерации от 3 ноября 2014 г. № 1155 и 1156) // Право в Вооруженных Силах. 2015. № 2. С. 21-29.

49. Кудашкин А.В. Жилищное обеспечение военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей. М.: За права военнослужащих, 2005. 464 с.
50. Кудрявцев И.В. Правовой статус военнослужащего: проблемы обеспечения в современной России // Право в Вооруженных Силах. 2018. № 9. С. 2-8.
51. Купцова О.В. Семейно-правовой статус родителя: отдельные вопросы теории и практики // Семейное и жилищное право. 2021. № 1. С. 3-6.
52. Кутафин О.Е. Российский конституционализм. М.: Норма, 2008. 542 с.
53. Лебедев В.А. Конституционные основы ограничений прав и свобод человека и гражданина // Lex russica (Русский закон). 2017. № 1. С. 130-139.
54. Максимов О.А. Единственное назначение современного российского уголовного процесса и средства его достижения // Российский следователь. 2022. № 2. С. 22-26.
55. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.
56. Милосердов Н.А. Публичные интересы в праве: понятие и содержание // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 10. С. 202-211.
57. Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина: Дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1997. 384 с.
58. Набиев А.С. О некоторых проблемных вопросах, возникающих при реализации прав участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих // Право в Вооруженных Силах. 2022. № 8. С. 54-58.
59. Назарова Е.А. Права военнослужащих как объект правозащитной деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Военно-юридический журнал. 2009. № 7.

60. Неверов А.Я. О праве офицеров на обучение в гражданской образовательной организации // Право в Вооруженных Силах. 2021. № 6. С. 42-46.

61. Нидер С.А. Дифференциация жилищных прав военнослужащих в зависимости от доступной им в соответствии с законодательством формы их реализации // Право в Вооруженных Силах. 2020. № 4. С. 23-29.

62. Одношев И.А. Ограничение конституционных прав личности: к характеристике понятия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 10. С. 149-153.

63. Определение Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 № 1632-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Корнюшкина Геннадия Александровича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 7 статьи 10 и статьи 27.1 Федерального закона «О статусе военнослужащих», подпунктом «е.1» пункта 2 статьи 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» и пунктом 11 статьи 34 Положения о порядке прохождения военной службы» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

64. Определение Конституционного Суда РФ от 20.07.2021 № 1476-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Егеля Эдуарда Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 7 статьи 6, статьей 14, частью 2 статьи 64 и статьей 330 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, пунктом 1.3 статьи 7, пунктом 10 статьи 28.6 Федерального закона «О статусе военнослужащих» и статьей 81.1 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

65. Определение Конституционного Суда РФ от 24.10.2019 № 2816-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Мещерякова Николая Александровича и Мещеряковой Екатерины Петровны на нарушение их конституционных прав и конституционных прав их несовершеннолетних детей

пунктом 19 статьи 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

66. Определение Конституционного Суда РФ от 28.01.2021 № 122-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Пузановой Ольги Анатольевны на нарушение ее конституционных прав абзацем третьим пункта 1 и пунктом 19 статьи 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» во взаимосвязи с пунктами 1 и 2 статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

67. Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 18.10.2016 № 201-КГ16-39 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 12.

68. Павликов С.Г. К вопросу об ограничении конституционных прав (на примере предпринимательской деятельности в сфере цифровых технологий) // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 8. С. 54-55.

69. Павлова А.В. Право обращения военнослужащих в органы военной прокуратуры как один из способов защиты их жилищных прав // Военно-юридический журнал. 2010. № 11. С. 14-17.

70. Павлова М.С. Законные и публичные интересы в административном судопроизводстве в России: проблемы толкования // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 5. С. 63-77.

71. Певцова Н.С. Новые подходы к конституционному статусу личности в свете принятия поправок к Основному Закону государства // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 8. С. 32-36.

72. Пикина Т.В. Правовое положение и правовой статус личности. Проблемы терминологии // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 8. С. 129-132.

73. Письмо Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека от 10.03.2020 № 02/3853-2020-27 «О мерах по профилактике новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

74. Полунин С.В., Васильев А.С. О структуре правового статуса военнослужащих // Право в Вооруженных Силах. 2017. № 3. С. 113-117.

75. Постановление Губернатора Самарской области от 16.03.2020 № 39 «О введении режима повышенной готовности в связи с угрозой распространения новой коронавирусной инфекции, вызванной 2019-nCoV» (с изм. на 03.04.2020) // Волжская коммуна. 2020. № 42(30826); № 55(30839).

76. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.10.2022 № 44-П «По делу о проверке конституционности абзаца двенадцатого пункта 1 статьи 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» в связи с жалобой гражданина А.А. Степаняна» // Российская газета. 2022. № 246.

77. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.03.2019 № 15-П «По делу о проверке конституционности п. 1 ч. 2 ст. 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» в связи с жалобой гражданина А.Е. Годунова» // Российская газета. 2019. № 72.

78. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.06.2010 № 14-П «По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 1 и подпункта «а» пункта 8 статьи 29 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А.М. Малицкого» // Российская газета. 2010. № 147.

79. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.04.2004 № 9-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федеральных законов «О федеральном бюджете на 2002 год», «О федеральном бюджете на 2003 год», «О федеральном бюджете на 2004 год» и приложений к ним в связи с запросом группы членов Совета Федерации и жалобой гражданина А.В. Жмаковского» // Российская газета. 2004. № 89.

80. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.05.2013 № 11-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 333.40 Налогового

кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Встреча» // Российская газета. 2013. № 116.

81. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.12.2020 № 49-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области» // Российская газета. 2021. № 6.

82. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.04.2020 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статей 15 и 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Н. Музыки» // Российская газета. 2020. № 102.

83. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.

84. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2015. № 140.

85. Постановление Правительства РФ от 03.11.2014 № 1156 «О порядке реализации права офицеров, проходящих военную службу по контракту, на обучение в гражданских профессиональных образовательных организациях или гражданских образовательных организациях высшего образования и на подготовительных отделениях таких образовательных организаций высшего образования с освоением образовательных программ по очно-заочной или заочной форме обучения» (вместе с «Правилами реализации права офицеров, проходящих военную службу по контракту, на обучение в гражданских

профессиональных образовательных организациях или гражданских образовательных организациях высшего образования и на подготовительных отделениях таких образовательных организаций высшего образования с освоением образовательных программ по очно-заочной или заочной форме обучения») // Собрание законодательства РФ. 2014. № 45. Ст. 6236.

86. Потапова Н.Н., Долгачева О.И. Значение принципа неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 10. С. 100-102.

87. Приходько Т.В. Современная модель ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации и Федеративной Республике Германия: конституционно-правовое исследование: Дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2017. 200 с.

88. Проект Федерального закона № 211189-8 «Об уполномоченных по защите прав военнообязанных и военнослужащих в Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 12.10.2022) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

89. Протасов В.Н. Теория права и государства. Проблемы теории государства и права. Вопросы и ответы. М.: Новый юрист, 1999. 240 с.

90. Пьянкова А.Ф. Правовые основания введения в регионах России мер, препятствующих распространению новой коронавирусной инфекции // Закон. 2020. № 5. С. 53-59.

91. Сергеев В.Ю. Применение категорий «ограничение» и «нарушение» конституционных прав и свобод человека и гражданина в практике Конституционного Суда РФ // Российский судья. 2021. № 11. С. 42-46.

92. Сергеев В.Ю. Цели и пределы допустимости ограничений прав и свобод человека в конституционном праве зарубежных стран // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 10. С. 76-80.

93. Слепко Г.Е. Влияние правового статуса военнослужащего на его иные специальные правовые статусы // Право в Вооруженных Силах. 2018. № 2. С. 110-117.

94. Слесарский К.И. Ограничение конституционных прав и свобод личности при исполнении воинской обязанности в Российской Федерации // Журнал российского права. 2018. № 6. С. 30-39.

95. Старцун В.Н. Зарубежный опыт социальной защиты военнослужащих и граждан, уволенных с военной службы, – проблемы использования в Российской Федерации // Право и политика. 2005. № 9.

96. Степанов С.В. Государство и трудовое право в условиях пандемии COVID-19 // Трудовое право в России и за рубежом. 2022. № 3. С. 59-61.

97. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. 2). Ст. 5351.

98. Субботина Е.В. Вопросы ограничения прав и свобод человека в международном праве // Право и образование. 2006. № 3. С. 123-131.

99. Таболин В.В. Латентные ограничения прав граждан в Конституции Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 2. С. 31-33.

100. Тихомиров Ю.А. Публичное право: Учебник. М.: БЕК, 1995. 496 с.

101. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 19.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3; 2022. № 52. Ст. 9375.

102. Туганов Ю.Н. Военнослужащие в сети «Интернет»: запреты и динамика нормативной базы // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2019. № 6. С. 14-18.

103. Уваров А.А. О соразмерности ограничений социально-экономических прав и свобод граждан // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 4. С. 25-36.

104. Указ Мэра Москвы от 05.03.2020 № 12-УМ «О введении режима повышенной готовности» (с изм. на 06.10.2020) // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2020. № 14; 2020. № 56.

105. Урошлева А.С. О свободе собраний в пандемию: аргументы в решениях органов конституционного контроля на примерах Германии и США // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 4. С. 61-68.

106. Федеральный закон от 01.04.2020 № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» (ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 14 (ч. 1). Ст. 2028; 2022. № 1 (ч. 1). Ст. 67.

107. Федеральный закон от 06.03.2019 № 19-ФЗ «О внесении изменений в статьи 7 и 28.5 Федерального закона «О статусе военнослужащих» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 10. Ст. 889.

108. Федеральный закон от 14.07.2022 № 336-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» и статью 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 29 (ч. 3). Ст. 5303.

109. Федеральный закон от 20.08.2004 № 117-ФЗ «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» (ред. от 28.04.2023) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 34. Ст. 3532; 2023. № 18. Ст. 3239.

110. Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (ред. от 04.11.2022) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 35. Ст. 3648; 2022. № 45. Ст. 7668.

111. Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (ред. от 14.04.2023) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 22. Ст. 2331; 2023. № 16. Ст. 2755.

112. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (ред. от 28.04.2023) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215; 2023. № 18. Ст. 3227.

113. Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (ред. от 14.04.2023) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 13. Ст. 1475; 2023. № 16. Ст. 2755.

114. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 17.02.2023) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598; 2023. № 8. Ст. 1204.

115. Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (ред. от 04.11.2022) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 14. Ст. 1650; 2022. № 45. Ст. 429.

116. Федеральный закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне» (ред. от 04.11.2022) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 23. Ст. 2750; 2022. № 45. Ст. 7664.

117. Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2277; 2016. № 27 (ч. 1). Ст. 4153.

118. Федотова Ю.Г. Перспективы введения должности Уполномоченного по правам граждан, участвующих в обеспечении обороны и безопасности Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 4. С. 27-31.

119. Федотова Ю.Г. Проблема ограничения и защиты прав и свобод отдельных категорий военнослужащих: пределы усмотрения законодателя и правоприменителя // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 4. С. 48-52.

120. Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. М.: Норма, 2019. 319 с.

121. Харитонов С.С. О разрешении в судебном порядке спорных вопросов жилищного обеспечения военнослужащих // Право в Вооруженных Силах. 2020. № 3. С. 31-50.

122. Харитонов С.С., Малаханов А.В. О судебной практике разрешения военными судами дел, связанных с обеспечением военнослужащих денежным довольствием // Право в Вооруженных Силах. 2021. № 10. С. 61-75.
123. Шалберкина М.Н. Правовые проблемы разработки и внедрения механизмов защиты конституционных прав граждан в условиях пандемии COVID-19 // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 10. С. 83-89.
124. Шахрай С.М. Конституционное право Российской Федерации: Учебник для академического бакалавриата и магистратуры. 4-е изд., изм. и доп. М.: Статут, 2017. 624 с.
125. Шветова К.Г. Ограничения и запреты в структуре правового статуса военнослужащих // Военное право. 2014. № 3. С. 140-160.
126. Шеншин В.М., Шеншина Л.А. Некоторые особенности социальной защиты военнослужащих и сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах. 2021. № 3. С. 13-20.
127. Ягофарова И.Д. Особенности ограничения прав и свобод человека при обеспечении национальной безопасности государства // Российская юстиция. 2018. № 9. С. 45-47.
128. Якимов А.Ю. Статус субъекта административной юрисдикции и проблемы его реализации: Монография. М.: Проспект, 1999. 200 с.
129. DOD Dictionary of Military and Associated Terms. Joint Electronic Library.
130. Hendricks S., Hutton L. Gender and military reform // Gender and RSS reference book, Part 3 / DCAF, ODIHR OSCE, UN INSTRAW.
131. Hendricks S., Hutton L. Gender and military reform // Gender and RSS reference book, Part 3 / DCAF, ODIHR OSCE, UN INSTRAW.
132. Title 10, U.S. Code, Subtitle B, Armed Forces: Army Title 32, U.S. Code, National Guard.
133. WHO Coronavirus (COVID-19) Dashboard // The World Health Organization. June 20, 2023.